СТОН
И ШЕПОТ
СТЕЛЛА ГРЕЙ
ИДДК

Стелла Грей

Стон и шепот

«ИДДК»
2018

Грей С.

Стон и шепот / С. Грей — «ИДДК», 2018

«Стон и шепот» – остросюжетный любовный роман Стеллы Грей.Когда Руслан Коршунов впервые услышал ее стон, у него снесло крышу. Он захотел Еву себе, как игрушку, постельное развлечение на несколько раз.Когда она шепотом молила о помощи, на зов явился только он, но не для того, чтобы отпустить…Есть ли шанс у похищенной девушки сбежать от чудовища, который заявляет, что он ее спаситель? И что ему нужно от птички, которая никогда не сможет петь?Внимание! Содержит нецензурную брань.

© Грей С., 2018
© ИДДК, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 24
Глава 7 28
Глава 8 31
Глава 9 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Стелла Грей
Стон и шепот

© Грей Стелла
© ИДДК

* * *

Некоторые вещи в этой книге могут показаться шокирующими, но огромная просьба не делать скоротечных выводов. В одном я уверена точно: эта история никого не оставит равнодушным.

Глава 1

Руслан Коршунов

В моей жизни есть только одна королева – тишина. Сегодня она явилась под руку со своей подругой темнотой, надев лишь легкое платье из ночной мглы, разлитой за огромными окнами.

Я прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла, наслаждаясь этим моментом, и сделал небольшой глоток виски. После шумного приема, наполненного резкими звуками, это было настоящим лекарством.

Беззвучное совершенство нарушили легкие шаги, а после в прихожей вспыхнул свет. Я подавил желание поморщиться.

Елена…

Она красиво изогнулась и застыла в дверном проеме, позволяя оценить тонкий силуэт. Длинные волосы, стройные ноги, высокая грудь без бюстгальтера. Затвердевший сосок натянул тонкую ткань, более чем откровенно демонстрируя желание.

– Русла-а-ан… – тихо протянула девушка, поднимая руки и медленно спуская с плеч бретельки платья. – Я пришла к тебе…

Она почти простонала это. На выдохе, хриплым полушепотом… который диссонансом прошелся по моей коже, вызывая мурашки отвращения. От голоса, от раболепных интонаций, от столь откровенного поклонения. Недаром я ей рот кляпом затыкал, когда раньше трахал.

Елена плавными, танцующими движениями спустила наряд с бедер, и он осел на паркетном полу лужицей синего шелка, а после девушка мягко опустилась на колени и, облизнув губы, поползла вперед, к моему креслу.

Она красива. Смуглая, черноволосая, с идеальным телом. Ее глаза горят неприкрытой похотью, и это не оставляет меня равнодушным ровно до того момента, пока она не открывает рот.

– Я так по тебе скучала. По твоим рукам, по твоему телу…

“По твоим деньгам”, – мысленно дополнил этот список самым важным пунктом.

– С чего это? – тихо спросил я, подаваясь вперед и глядя в темные глаза. – И что ты здесь делаешь? Сестре хозяина приема надо быть с гостями и развлекать их всеми силами.

– Ты мой самый важный гость. – Тонкие руки легли на мои колени и медленно двинулись наверх. – И я приложу все свои силы для твоего развлечения.

Я скинул ее ладони, встал с кресла и отошел к окну, там, сделав еще один глоток терпко-пряного напитка, спокойно сказал:

– Забирай свои тряпки и уходи. Если так хочется у кого-то отсосать, выбери Соколовского, он весь вечер пускал слюни в твое декольте.

– Ты ревнуешь? – довольно улыбнувшись, сделала совсем уж абсурдный вывод Лена. – Руслан, ты же знаешь, что вне конкуренции.

Конечно знаю. Над всеми, кого я этими самыми конкурентами считал, уже трава по весне взошла, а кого пощадил – едва концы с концами сводили. Правда, соревнования в вопросе, кто лучше баб трахает, я считал довольно идиотским занятием.

– Лена, ты перестала русский язык понимать? Вали, я сказал.

Она резко встала, грудь маняще колыхнулась, и я на какой-то момент даже оценил эстетику голой разгневанной женщины, которую она почти сразу испортила. Ее глаза наполнились слезами, губы задрожали, и девушка метнулась ко мне, прижимаясь и жарко нашептывая на ухо:

– Не прогоняй меня. Пожалуйста… Умоляю. Я умру без тебя, я не могу без тебя… Таблеток наглотаюсь, вены порежу…. Рус, я ведь люблю тебя, понимаешь? Люблю!

– Это проблемы твоей семьи и твоего психиатра, – спокойно ответил я, брезгливо отрывая ее руки от себя и отпихивая Лену в сторону.

– Русла-а-ан…

Стало смешно.

– Добрынина Елена, готовая на все ради меня? Это же практически честь. А ты никакой неловкости не испытываешь?

Она тяжело дышала, с ненавистью глядя в мое лицо, искаженное злой усмешкой.

– Импотент херов! – выплюнула девушка, и некрасиво скривилась. – Урод моральный! Думаешь, деньги компенсируют все твои недостатки?

– Мм-м… Дай-ка подумать. – Я возвел глаза к потолку, делая вид, что и правда задумался, а потом проговорил: – Точно, так и есть! А вот с импотентом, пожалуй, промашка вышла. Не ты ли срывала голос подо мной? И прошу, прекрати это представление. То, что я пару раз повалял тебя по кровати, еще ничего не значит.

– Ты пожалеешь! И трахаешься ты хреново, Коршунов! Я никогда с тобой не кончала, всегда имитировала, так как ты прав: бабло реально компенсирует твои недостатки, – яростно прошипела девушка и, резко развернувшись, покинула комнату, подхватив платье на пороге.

Дверь хлопнула, доказывая, что Добрынина ушла, и я, поморщившись, потер висок: мало того, что весь вечер пришлось улыбаться, делая вид, будто мне нравится торжественный прием в загородном доме Максима Добрынина и, самое главное, их фальшивящий скрипичный квартет, так еще под занавес Лена все окончательно испортила.

Я окинул взглядом выделенную мне спальню на четвертом этаже и поймал себя на желании уехать отсюда ко всем чертям. Останавливало только то, что отпустил водителя, а сам за руль сесть не могу, так как уже выпил. Можно, конечно, вызвать такси, но там же будет… чужой водитель, мать его. Который дышит, шевелится и временами включает свою музыку, а я не смогу отгородиться от него ширмой…

Потому останусь до утра, тем более что Владислав Соколовский очень хотел побеседовать по поводу акций своей компании, и я рассчитываю, что он все же созрел для продажи контрольного пакета. Иначе придется создать ему дополнительную мотивацию к уже имеющейся…

Мысли лениво текли в привычном русле, но временами все же возвращались к злобным словам бывшей любовницы.

Эта маленькая дрянь умудрилась зацепить меня. К сожалению, в чем-то она была права, но подобрала неверный термин. Трахаться-то я могу, а вот с тем, чтобы кончить – вопрос. Выходило все реже. С ней всего пару раз и удавалось.

Я всегда очень остро реагировал на звуки и голоса людей, но в последние пару лет это особенно обострилось и сильно ударило именно по интимной жизни. Меня возбуждали тела, но голоса женщин действовали как ледяной душ. Стоны, шепот, просто речь… Как наждачкой по телу, словно звук порванной струны на идеальном полотне мелодии.

Один очень дорогой сексопатолог предположил, что у меня психологическое расстройство, и предложил десяток сеансов по заоблачным ценам, где мне обязательно помогут. Я же воспринял этот метод лечения как желание обуть меня на бабло, потому что дело не в звуках, а в бабах, которые их издавали.

И мне чрезвычайно паршиво с этим жилось.

Из-за этой своей особенности я был очень умерен в сексуальных аппетитах. Мне нравились красивые женщины, но ровно до момента, пока они не начинали говорить. Одно время даже ходили слухи, что я вообще гей. Правда, узнал я о них, когда меня попытался совратить уже третий смазливый мальчик за месяц.

Пришлось кратковременно завести Леночку.

* * *

Проснулся я как всегда рано.

Принял душ и устроил себе утреннюю пробежку, как следует насладившись звуками утреннего леса. По возвращении ответил на все письма, отдал несколько распоряжений топ-менеджерам и спустился к завтраку. Увы, проигнорировать его было никак нельзя.

– Руслан, доброе утро, – мне навстречу поспешил Макс Добрынин, брат Лены. Улыбаясь во весь рот, он буквально лучился доброжелательностью. – Как спалось?

– Спасибо, хорошо, – коротко ответил я и кинул беглый взгляд на белую как полотно Елену, которая, впрочем, тоже соблюла приличия. Хм, неужели не пожаловалась братцу?

Максим снова отпустил какой-то дежурный комментарий и пригласил к столу. Я поглядывал на хозяина дома, пряча усмешку в уголках губ, прекрасно помня весьма красочное досье на этого милейшего мужчину. Крышует пару разбойных группировок, занимается в основном мутными сделками с недвижимостью и держит под собой попрошаек на севере Москвы. Для прикрытия имеет какую-то полуживую строительную фирму и даже умудряется жертвовать что-то на благотворительность. Это символично и издевательски тонко: посылать деньги одним старикам, чтобы черным риэлторством отбирать квартиры у других.

После того как с завтраком было покончено, уже на выходе из столовой меня поймал Влад Соколовский.

– Руслан, ты помнишь? Мы вчера… – Он как всегда запнулся, а я мысленно поморщился, удивляясь тому, как его отец мог отдать одну из компаний под управление настолько бесхребетного существа. Мало того что отдал, так еще и управляющих нормальных не поставил, уж если знал, что сынок идиот. Хотя ходят слухи, будто в семействе не все ладно, стало быть, скорее всего, Соколовский-старший просто решил слить активы, пока они не потеряли цену, и такие, как я, готовы за них платить.

Но мне же лучше.

Я кивнул и пригласил Влада обсудить дела на прогулке по приусадебному парку. Подтверждение своим мыслям получил практически сразу: мальчишка по совету отца и правда решил продать контрольный пакет акций. Немного поторговавшись, я согласился на цену, и мы ударили по рукам.

– Раз все так складывается, то я хочу пригласить тебя отметить заключение контракта в одно интересное место.

Я не стал разочаровывать мальчика в том, что устный договор еще не письменный, тем более что тигр по имени любопытство уже поднял свою голову и заинтересованно передернул ушами.

– Что за место?

– Очень особенное, если ты понимаешь, о чем я, – вполголоса проговорил Соколовский. – С развлечениями на любой, даже самый взыскательный вкус. Тебе понравится.

– Не думаю, что меня можно чем-то удивить, – цинично хмыкнул я и добавил: – Или там телки в рот берут каким-то крайне экзотическим способом?

– Не только. Заведение высшего уровня, только для избранных… для элиты. Туда практически нереально попасть, вход возможен, только если за тебя поручится член клуба. Такой, как я.

Несколько секунд я с прищуром смотрел на парня, а после неопределенно повел плечами, но все же кивнул.

– Ок. Когда?

– Почему бы не сегодня вечером?

А действительно, зачем тянуть?

Глава 2

Руслан Коршунов

Зачем я согласился так легко? Хрен его знает. Я никогда не являлся поклонником публичных домов, скорее, меня напрягало, что какой-то там мальчишка имеет доступ в некий клуб “только для элиты”, я же об этом месте даже не слышал. Конечно, существовала вероятность, что Влад просто пытался пустить мне пыль в глаза, подлизаться и притащить в элитный бордель, где у каждой бабени справок от врачей больше, чем у меня офшоров, и все же желание быть в курсе взяло верх.

Второй раз Соколовский подошел ко мне, когда я собирался уезжать от Добрыниных:

– Я заеду за тобой в шесть, – словно мы давние друзья, выдал он и хлопнул меня по плечу.

– Я тебе что, телка, за мной заезжать? – Такое панибратство меня бесило. – Вышли адрес сообщением, у моего водителя прекрасный навигатор в машине.

От этой реплики Влад стушевался, но тут же нашелся:

– Я ведь говорил, что клуб только для элиты. Без своего человека тебя просто не пропустят на территорию.

Хмуро смерив мальчишку взглядом, я все же сделал финальный вывод: он идиот. Так оскорбить одной фразой того, кто сильнее тебя во всех смыслах, надо уметь. И все же глупость иногда бывает прощенной.

– Поедем на моей машине, с моими людьми и охраной, – произнес я, не исключая вероятности сценария, что меня так изощренно просто хотят грохнуть в лесу.

Влад примирительно вскинул руки в безоружном жесте, я же окончательно пожалел старшего Соколовского из-за сына-идиота и вообще начинал раздумывать, ехать ли в какие-то сомнительные клубы. Дауну понятно, что бордель – место явно незаконное, хоть и не настолько, чтобы за его посещение заиметь крупные проблемы.

Влад отличился пунктуальностью и объявился в приемной моего офиса ровно в шесть. К этому моменту я уже полностью убедил себя никуда не ехать. Настроение было поганым, и снимать шлюху, которую можно будет отодрать во всех позах, даже завязав ей рот, не особо хотелось. С тем же успехом я мог бы вызвать секретаршу Карину и нагнуть ее прямо на столе, вот только не прельщало. Даже несмотря на то, что Кариночка была одной из немногих, чей голос почти не бесил.

Возможно, дело в музыкальном образовании? Когда-то секретарь, заваривающая мне теперь по утрам кофе, мечтала стать знаменитой певицей, но, приехав из села под Таганрогом в большой город, она испытала много разочарований. Когда моя предыдущая секретарша ушла в декрет, девушке крайне повезло, что на собеседовании именно ее голос не вызвал раздражения. Хотя были кандидатки куда более опытные и не впадающие в транс от слова ксерокс. Впрочем, Карина оказалась смышленой и, пройдя скорые курсы, вполне справлялась со своими обязанностями, а ни о чем другом я и не просил. Хотя, ловя иногда ее взгляд, понимал: она не прочь пойти дальше рабочих отношений, и если потребую – не откажет.

– Я передумал, – заявил Соколовскому, едва тот оказался в моем кабинете. – Слишком много дел.

Влад от моего категоричного отказа растерялся.

– Но ведь… – он понизил голос. – Я уже договорился, будет неловко.

– Мне плевать.

Неужели он думал, что меня серьезно будет волновать, с кем он там договаривался?

– Руслан, ты не понимаешь, – Влад начал говорить так, будто куда-то спешил. – Это не просто публичный дом, это КЛУБ! О нем даже рассказывать нельзя!

Я откинулся на спинку кресла, смерил взглядом этого недоумка. Знавал я всякие клубы, и этот наверняка был одним из подобных. У меня была масса времени, чтобы навести кое-какие справки, пока полдня работал в офисе. Соколовский-младший любил жесткий секс. Все эти плети, порки, зажимы на сосках. Ну какой еще может быть клуб у такого, как он? Однозначно БДСМ! Мало ли извращенцев?

Меня же подобные развлечения могли тронуть только тем, что в них не участвовал. Мне хватало в жизни рабского преклонения, чтобы начать наслаждаться этим еще и в постели.

– Вряд ли в месте, куда ты хочешь меня отвести, будет что-то особенное, – с самым скучающим видом ответил я и кивнул на дверь. – Поверь, я многое перепробовал, чтобы сломя голову не бежать в какой-то закрытый клуб.

– Спорим, что нет? – мальчишка неожиданно оживился и произнес это с вызовом, чего я абсолютно от него не ожидал. – Уверен: это тебя удивит. Такого ты не видел!

Я не азартный человек, абсолютно, но кто же упускает такой шанс?

– Спорим. На контрольный пакет акций. Проиграешь – отдаешь его по минимальной цене.

И этот идиот согласился, даже расписку подписал, взамен от меня попросив сущий пустяк: в случае проигрыша я даю ему разрешение потусить с бабами несколько дней в своем доме на Итальянском берегу и на спортивной тачке покататься с обещанием, что не разобьет.

Мысленно я уже подсчитывал полученную прибыль, когда мы свернули с МКАДа на одну из трасс, долго ехали по прямой, а потом Влад объяснял водителю, куда двигаться дальше.

Дивиденды грозили быть колоссальными, а в перспективе вырисовывалась возможность поглотить еще несколько мелких контор, ходящих под Соколовскими.

Мой джип свернул на грунтовую дорогу, долго петлял между лесных насаждений, пока не уткнулся в обнесенный каменным забором особняк. Ворота метра три высотой, КПП с охраной. Увиденное больше походило на военный объект, чем на бордель. Что ж, мне действительно стало любопытно, каких шлюшек тут так охраняют.

Пока Влад не вышел и не сказал о чем-то охраннику, нам не открыли, лишь проехав на территорию, я заметил множество дорогих машин, припаркованных во внутреннем дворе. А зайдя внутрь, разочаровался окончательно.

Да, тут было дорого. Роскошь витала в воздухе, богатство выглядывало из каждого угла и стучалось в витражные окна.

Да, красивые женщины. Практически совершенные тигрицы в роскошных вечерних платьях, которые, как гейши в древние времена, скрашивали интеллектуальный досуг мужчин, чтобы после по первому их желанию раздвинуть ноги, продавая тело.

Влад вел меня все дальше, из зала в зал, и я понимал, что публичный дом и правда рассчитан на то, чтобы удовлетворить самого взыскательного клиента. Тут было много помещений с просто отличной звукоизоляцией. После подобия высшего общества мы попали в огромную комнату, отделанную в черно-красных тонах, где разукрашенные готичные девочки извивались у шестов под Мэрилина Мэнсона.

Следующая комната была посвящена БДСМ-тематике, и я с усмешкой заметил, как Влад начал дышать чаще и вытер потные ладони о свои дорогие брюки с идеальными стрелками. М-да, столько тысячелетий эволюции, а ты все такая же примитивная обезьяна, Соколовский. Тупая обезьяна.

Несколько удивил меня следующий зал, так как я никак не ожидал наткнуться на древнегреческую оргию. В помещении, стилизованном под грот, трахались несколько десятков человек. Не люди, а огромный организм, ведомый похотью. Ближайшую ко мне девку драли трое мужиков, а она только стонала, содрогаясь от наслаждения, и лихорадочно прыгала на члене

толстяка, раскинувшегося на кушетке и выкручивающего ей соски. А на “Олимпе” вдалеке какой-то атлет в лавровом венке изображал из себя Зевса, имея какую-то не особо молодую бабу, а гибкая красотка тем временем облизывала ему яйца.

Как понимаю, все, кто тут молодые и красивые – работнички этого замечательного местечка.

– Ты это мне хотел показать? – я перевел взгляд на Влада. – Безвкусную оргию?

Нет, зрелище, бесспорно, цепляло что-то в душе и, возможно, даже возбуждало, но все сходило на нет, стоило услышать противные чавкающие звуки, которые издавала шлюха, обрабатывая чужой член.

Такими темпами я точно стану импотентом…

– Нет, это все полная ерунда. Игрушки. Все самое интересное там, – Влад кивнул куда-то в сторону лестницы, ведущей в подвал здания.

– Да неужели? – мои слова просто источали сарказм. – “Золотой дождь” или изощренная зоофилия?

– Увидишь! – таинственно отозвался Соколовский и все так же уверенно двинулся вперед.

Подвальный коридор закручивался, складывалось впечатление, будто он огибает что-то в сердцевине дома, и я бы не удивился, выйди мы обратно к лестнице наверх, но Влад остановился, дернул одну из дверей и завел меня внутрь.

Комнатка была небольшой, буквально три на три метра, одна стена – глухое стекло, остальные просто серые, большое удобное кресло посередине. Даже с массажером.

– И что это? – обведя рукой пространство, спросил я.

– Терпение. Уверен, ты оценишь. – Влад просто лучился от собственной значимости в этот момент, будто готовился мне целый мир открыть. – Главное, помни: никто из присутствующих тебя не увидит, а голос будет изменен. В клубе соблюдают анонимность – это основное правило.

Он указал мне на кресло, а заодно небольшой микрофон, вмонтированный в подлокотник.

– Как только все начнется, ты сразу поймешь! – с этими словами он вышел из комнаты, прикрывая за собой дверь.

На всякий случай я убедился, что меня тут не заперли. Все начинало походить на идиотскую шутку или фильм “Пила”. Было бы совсем не удивительно, превратись стекло сейчас в огромный экран, на котором появится клоун.

Но этого не произошло. Минут десять спустя, когда я окончательно заскучал, яркая вспышка буквально ослепила меня.

В комнате за стеклом кто-то включил свет.

И я очень быстро понял, что передо мной никакое не стекло, а зеркало, как любят показывать в американских фильмах, за которым тебя не видно, но очень удобно наблюдать за тем, кого будут допрашивать.

Посередине освещенной то ли арены, то ли сцены стоял пустой стул, а вокруг расположились еще с десятка три таких же зеркал. Теперь стало ясно, вокруг чего именно закручивался коридор, и что за стенкой наверняка сидят такие же зрители, как и я, вот только какое зрелище нам собираются показывать?

– Дамы и господа, – ожили динамики в комнатушке, – напоминаю наши правила. Лот у нас только один, победитель аукциона получает право полного распоряжения лотом. Остальные при согласии победителя могут принять участие в пользовании, смотреть за представлением либо покинуть комнаты. Правила нашего клуба гарантируют вам полную анонимность в выполнении ваших желаний. Начальная ставка – тысяча долларов.

Свет над ареной немного приглушили, единственная дверь открылась, и двое полуодетых амбалов втолкнули вперед миниатюрную девчонку. Абсолютно голую. Она безвольно шла, куда направляли. Ее ноги подкашивались, а взгляд был мутным, как после трехдневной пьянки.

Незнакомку привязали к стулу, заведя руки за спинку, так что небольшая, но аккуратная грудь приподнялась вверх, а вершинки сосков от холода стали острыми пиками. Лодыжки ей тоже привязали, но уже к ножкам стула, так что бедра оказались слегка разведены, обнажая узкую полоску аккуратно выбритой киски.

Один из амбалов, что вел девчонку, ущипнул ее за сосок, и этот жест не укрылся от меня. Она дернулась, как от электрического тока. На мгновение в широко распахнувшихся глазах мелькнул ужас, она попыталась свести бедра, как-то прикрыться, но уже через секунду все опять сменилось мутной поволокой и безвольной апатией.

Девчонка была под наркотой, и мне почему-то было совершенно не жалко наркоманку-шлюшку, которая выступит таким сомнительным товаром.

– Девственница, – объявил ведущий, чем тут же заставил меня усомниться в своих выводах. – Все дырочки не тронуты и открыты для любых ваших капризов.

– Две тысячи баксов, и мы смотрим, как Борис дерет ее в жопу, – раздался незнакомый механический голос, озвучивая первую ставку.

Амбал, который щипал девчонку за сосок, как-то противно улыбнулся. Сразу стало понятно, кто здесь Борис.

– Три тысячи. Борис трахает ее рот, Анатолий вначале отлизывает, а потом двойное анальное.

Второй амбал выкатил к стулу с жертвой (а именно так я именовал сейчас девчонку) столик, похожий на те, что используют в ресторанах, и, сдернув белое покрывало, обнажил целый арсенал секс игрушек.

– Пять тысяч за большое дилдо, цепи и зажимы на соски, и посмотрим на это прямо сейчас, – ошеломил меня динамик. – А потом по кругу со всеми участниками аукциона. Узнаем, сколько в нее войдет членов. Плачу сверху еще двадцатку, если после того, как мы обкончаем эту сучку, ее можно будет убить.

Я рывком поднялся с кресла.

Какого хуя я вообще тут делаю и куда попал?

Мозг очень быстро сообразил, что ни фига это не добровольная шлюшка. Девчонку явно откуда-то украли, накачали наркотой и выставили на потеху публике. Действительно не поспоришь – развлечение на любой вкус.

Судя по тому, что ставки прекратились, собравшиеся были согласны с планом неизвестного покупателя.

Амбал, тот, который Борис, потянулся к зажимам для сосков и не без удовольствия на собственном лице направился к несчастной. Ведущий начал отсчет для объявления победителя аукциона.

– Двадцать пять тысяч раз…

Я поднялся… – Двадцать пять тысяч два…

Уже хватался за ручку двери, чтобы свалить отсюда, когда раздался болезненный стон.

Хриплый, вырвавшийся из груди жертвы, протяжный и прошибающий насквозь. Душу словно в мясорубке провернуло от этого звука, а яйца болезненно сжались, потому что я хотел повторения этого звука.

Не отдавая себе отчета, я вернулся на кресло и с мучительной ненавистью к самому себе уставился, как на девчонку нацепили второй зажим. Она выгнулась дугой от боли и застонала еще громче.

Никогда не думал, что могу кончить от звука, но сейчас был именно тот случай, потому что она стонала там, а я был готов начать дрочить здесь.

Анатолий развязывал путы на руках девчонки, и я уже знал сценарий, по которому пойдет эта пьеса. Ее отдерут во все дыры, кто захочет и как захочет, а потом реально грохнут.

– Двадцать пять тысяч…

Впрочем, меня это уже не устраивало.

– Тридцать тысяч, и она моя, – нажав кнопку микрофона, озвучил я с четким намерением забрать сладкоголосую сирену себе.

Глава 3

Демина Ева

Я всегда знала, что такое счастье. Кажется, с самого рождения, еще в колыбели лежала в направлении мечты. Потом научилась ползти к ней и, сделав первые шаги, уверенно направилась к старенькому бабушкиному фортепиано. Музыка меня очаровывала, а бабушкины колыбельные заставляли смолкать даже самые сильные истерики.

К пяти годам я пела постоянно, так что даже скептически настроенный отец, механик в пятом поколении, понял: противостояние бесполезно. Дальше была школа, где я выступала на всевозможных концертах, срывая овации у вскакивающих с мест зрителей.

Когда погибли родители, пение спасло меня от разрывающей на части тоски… Мы остались втроем – только я, бабушка и музыка. Денег на репетиторов не было, да и на еду не всегда хватало, но я продолжала смотреть в направлении мечты. В сторону Москвы…

Стоило окончить школу, как я рванула туда, к ярким огням столицы, забрав из дома последние сбережения. Бабушка не была против, она благословила и отпустила, прекрасно понимая, что не удержит.

Только город больших надежд оказался жесток, а приемная комиссия Гнесинки поразила в самое сердце, заявив, что спетую мною арию слышат в пятый раз и до этого мальчик спел лучше.

Я была разбита, раздавлена, потеряна и сбита с толку, не представляя, как жить дальше.

Возвращаться в Челябинск и учиться на экономиста? Проживать чужую жизнь, наплевав на мечту? Наверное, так поступило бы абсолютное большинство здравомыслящих людей, но, увы, себя я к ним не относила. Устроившись официанткой в кафе неподалеку от Гнесинского училища, я осталась жить в съемной комнатушке и действовать.

Ежедневно обивая пороги Российской академии музыки, бродила тенью под окнами, рассматривала поступивших и продолжала верить, что однажды и сама добьюсь поставленной цели. Иногда я примечала среди толп абитуриентов кого-нибудь не слишком заносчивого и подходила с расспросами, уточняя, у кого они брали уроки музыки или как тренировали голос.

Однажды за подобным занятием меня застал один из профессоров, подозвал к себе и строго спросил, чего я, собственно, добиваюсь, мозоля им здесь глаза?

– Как чего? – поразилась я. – Хочу знать, чем вас удивить в следующем году, когда снова приду поступать.

Он долго смотрел в мои глаза, светящиеся надеждой, потом покачал головой, усмехнулся и позвал за собой. В небольшой пустой аудитории было тихо и светло, а профессор, открыв крышку инструмента, указал рукой на клавиши:

– Ну что же ты? Играй, удивляй. Только давай что-нибудь дорогое душе, а не то, что на экзамен готовила.

Я на миг озадачилась, а потом села перед фортепиано, прикрыла глаза и вспомнила любимую песню мамы… “Старинные часы” Аллы Пугачевой. Я заиграла, начала петь, забыв о том, где нахожусь и перед кем выступаю. Просто пропускала музыку через себя, жила ею, пока последние аккорды не стихли.

Наградой мне стали аплодисменты от скопившихся в коридоре абитуриентов – последнего потока поступивших. Сам же профессор стоял молча, задумчиво потирая бороду и глядя на меня с прищуром.

Тогда свершилось первое в моей жизни чудо – мне дали второй шанс на поступление и даже посодействовали. Так я оказалась на факультете музыкального искусства эстрады. Стоит ли говорить, что кафедра эстрадно-джазового пения стала мне вторым домом? Я просто боготворила профессоров, занималась с полной самоотдачей и даже не заметила, как пролетел первый год.

Побывав в Челябинске, с восторгом рассказывала умиленной бабушке, как пою, как меня хвалят, как прочат блестящую карьеру, если продолжу в том же духе… Та только крестилась и шептала: “Вот и славно, дай бог, наладится…”

Перед началом нового учебного года я вернулась в Москву чуть раньше запланированного, снова сняла комнатку, так как общежитие еще было закрыто на ремонт, и принялась проходить обязательную медицинскую комиссию. Тогда-то мир и перевернулся.

Стоя в очереди к окулисту, я изучала буклеты, развешанные всюду, и вдруг услышала свое имя.

– Ева Демина?

Удивленно обернувшись, взглянула на красивого молодого человека в белом халате.

– Да.

– Добрый день, пройдите, пожалуйста, со мной.

Мне даже в голову не пришло спросить, куда и зачем. Городская больница со множеством пациентов вокруг внушала доверие, как и халат на теле незнакомца. Помню, мы долго шли по длинному коридору, минуя кабинеты и врачей, затем завернули несколько раз и вдруг парень обернулся, подошел и спросил:

– А документы у вас с собой?

– Конечно. – Я показала ему зажатую в руке папку и только тогда уточнила: – А что случилось?

– Все хорошо. – Молодой человек посмотрел куда-то над моей головой и кивнул. Оглянуться туда же я не успела – нос и рот перекрыл платок, от запаха которого меня моментально повело. Пытаясь оттолкнуть сильные руки, я несколько раз дернулась и потеряла сознание, все еще не понимая, что случилась беда.

В себя приходила тяжело, тело онемело и болело от попытки двигаться. Голова раскалывалась от боли, а в глазах все плыло. Застонав, я попыталась перевернуться с боку на спину, но тут же была остановлена.

– Она просыпается, – обеспокоенно заявил мужчина, голос которого я слышала впервые. – Уколи ее сейчас, чего тянуть?

– Рано, – уверенно ответил кто-то еще, и ему не осмелились возражать.

Меня же пробрали озноб и ужас, сковав легкие и не давая дышать. Меня похитили! Чего бы ни хотели эти люди, я не ждала добра, а тело начало судорожно трясти от безумного страха. Когда на нос и рот снова упал платок, я увернулась, ударившись головой о металл, и закричала. Я мотала головой, визжала и царапала ногтями чье-то лицо, имевшее неосторожность склониться ближе.

– Сука! – выплюнул мужик, оглушая ударом в плечо.

– Не порть товар! – рявкнули позади.

И это страшное слово придало новых сил. “Товар…”

– Помоги-ите!!! – закричала, ринувшись вперед и буквально накидываясь на огромную тень впереди. – А-а!!! Нет! Не-ет! Не-е-ет!!!

Я рыдала, скулила и голосила как никогда. Все одновременно, с такой яростью, словно в меня бес вселился. Но никто не пришел на помощь.

– Довопилась, тварь. Ладно, выставим ее сегодня, – это было последним, что услышала перед тем, как упасть в руки одного из похитителей и забыться беспокойным неправильным сном. Там меня крутили на шесте вместо обруча, а затем подбросили вверх, к радуге. И я без-

звучно хохотала, отчего по телу шли нервные волны, усыпляя, убаюкивая. А потом наступил штиль…

– Просыпаемся! – В мое сознание ворвалась боль. Кто-то ударил меня по щеке, потом тряхнул за плечи. – Эй, как тебя зовут, помнишь?

– Ева, – хриплый нечленораздельный шепот сорвался с губ. Приоткрыв глаза, я попыталась сфокусироваться на мужчине перед собой, но он все время двигался, и меня затошнило.

– Миленькая Ева. – Ко мне приблизились, подняли лицо за подбородок, покрутили влево-вправо и одобрительно хмыкнули: – Хороша-а. Эта, что ли, певица?

– Она.

Я узнала голос молодого доктора из городской больницы и встрепенулась, попыталась посмотреть на него, найти взглядом, чтобы спросить что-то важное… Только вот что – не могла вспомнить.

– Тише, малышка. – В нос ударил запах ментола, кончика носа коснулись шершавые губы. – Не надо печалиться…

– Кто вы? – спросила, на миг почувствовав липкий, почти болезненный страх, остро пронзивший тело от прикосновения этого типа.

Мне не ответили, только чужие пальцы скользнули по руке от моего запястья к груди, и я поняла, что раздета! Абсолютно раздета… Снова накатил страх и закружилась голова. Я всхлипнула, постаралась отшатнуться от незнакомца и открыла рот, чтобы позвать на помощь, но тут же ощутила горький привкус странного напитка, вливаемого в мой рот.

– Пей, пей, Ева… Ты принесешь нам много денег. Уж я такие вещи чувствую.

Голос то смазывался, становясь почти неразличимым, то замедлялся, то вдруг становился громче и отчетливее.

– Она готова? – пророкотало вдали. – Клиенты в сборе.

– Да. Наркота подействовала… Ева… сюда… дизиак… держи ее…

Кто-то говорил, голоса смешались в одно неразборчивое месиво, от которого меня вело в стороны и хотелось кричать, но рот меня больше не слушался. А еще внутри нарастала жажда чужих касаний, мне вдруг захотелось, чтобы меня трогали, и это было неправильно. Это чувство прогоняло страх, заставляя нервно облизываться и щуриться в свете больших ламп, освещающих меня со всех сторон. Я закрывала глаза и отворачивалась, но шла, куда велели… Меня куда-то посадили, и я вздрогнула от холода, одновременно чувствуя, как привязывают ноги и руки так, что я больше не могла ими шевелить, даже если очень старалась. Хотелось пить и уснуть, а еще почему-то смеяться… Но это состояние прошло моментально, когда острая сладкая боль пронзила правый сосок. Я распахнула глаза и вспомнила, что совсем раздета, на миг тело сковал ужас, а в горле застрял крик, но тут же его прогнала прочь волна наслаждения, а затем и апатии.

И тут:

– Девственница! – меня пробудил крик, он шел отовсюду, отдаваясь эхом в голове и продолжая пытать меня звуками: – …дырочки… ваших капризов…

Я безвольно уронила голову на грудь и наконец отдалась темноте. Жаль только, ненадолго. Новая боль пронзила тело, током расползаясь от левой груди книзу и рождая совершенно болезненное удовольствие.

Откинув голову назад, я застонала, еще немного расставив ноги в стороны и прогнувшись вперед. Горло свело судорогой, потолок растекался перед глазами, переливаясь десятком цветов, а звуки вокруг превратились в невообразимую какофонию. Кажется, мои руки стали крыльями, потому что они вдруг обрели легкость, и я поняла, что вот-вот воспарю на небо. Радостно улыбаясь, услышала новый голос, выбивающийся из остальных. От него у меня мороз шел по коже…

– …она моя!

Мир качался перед глазами, расплываясь радужной дымкой, и у меня никак не получалось ни на чем сосредоточиться. Сознание плыло где-то в темноте, которая периодически раскалывалась ослепительно яркими красками реального мира, а после они вновь блекли, уступая место мраку. Вроде бы меня сначала отвязали от твердого стула и куда-то понесли, а потом усадили на что-то мягкое и вновь выкрутили руки и ноги.

– Красотка. – Чьи-то наглые пальцы прошлись по груди и животу. – Даже жаль, что грохнут. Смотри, ладная какая.

– И че? – лениво спросил второй голос. – Она первая, что ли? Ничего, после покупателя и самим выебать можно, так что потерпи до утра. Если она целая останется, конечно. Предыдущую по кускам в пакет складывали… психопат какой-то был.

Переговариваясь, они ушли, а я вновь осталась в своей темноте. Обрывки разговора мужчин всплывали в создании, но я никак не могла сосредоточиться на чем-то определенном. Не получалось.

Спустя какое-то время дверь хлопнула, и в комнате появился еще один человек.

А после меня поглотило безвременье, в котором были лишь рожденное препаратами вожделение и мой жгучий стыд.

Мы были по отдельности. По разные стороны баррикад.

И пока тело содрогалось от кайфа…

Глава 4

Руслан Коршунов

– Тридцать тысяч, и она моя, – нажав кнопку микрофона, озвучил я с четким намерением забрать сладкоголосую сирену себе.

Чтобы трахнуть, конечно же.

Да, я не до такой степени урод, как все остальные здесь присутствующие, но это не помешает мне удовлетворить свои желания.

– Тридцать тысяч раз… – начал стандартную процедуру владелец аукциона. – Ну же, джентльмены, разве это деньги за такой цветочек? Тридцать тысяч два… Тридцать тысяч три… Продано!

На экране передо мной сменилась картинка, и теперь тут было несколько строк о том, как можно рассчитаться за “покупку”, и длинный текст договора, который я бегло изучил.

Дверь открылась, и на пороге появился самый натуральный классический лакей, который с поклоном предложил проследовать к моим апартаментам на сегодняшнюю ночь, где уже дожидается заказанное “блюдо”.

Ну что ж, сладкая, попробуем тебя на вкус.

И на слух…

От одного воспоминания о ее стонах меня вновь прошило желанием, притом настолько сильным, что я едва не зашипел от болезненно дернувшегося члена.

Она и правда уже была в комнате. Сидела на роскошном кресле, руки заведены за голову, и веревка уходила за спинку, отчего тонкое тело было красиво выгнуто и напряжено, как струна. Раздвинутые бедра, лодыжки привязаны к ножкам кресла…

Да, эти сволочи умели презентовать товар так, что вело от похоти, стоит кинуть один взгляд на девчонку.

В тот момент, когда за мной со стуком захлопнулась дверь, девушка подняла голову, глядя на меня расфокусированным, бессмысленным взглядом. Попыталась пошевелиться и тихо застонала от боли в затекших мышцах.

Ее стон ударил меня молнией, рассыпался искрами в теле и зажег пожар в паху. Она лишь застонала, а я практически готов.

Но рано… очень рано.

Неторопливо подошел ближе и впервые коснулся ее кожи, проведя кончиками пальцев по шее и плечу, после к вскинутым рукам.

– Больно? – провокационно осведомился я и разом пожалел, что вообще начал с ней разговаривать. Потому что она ответила. Низким, красивым голосом с едва заметной хрипотцой.

– Да-а-а…

Я потянул за кончик веревки и специальный узел легко распался, освобождая ее запястья из крепкой хватки. Как зачарованный, уставился на красные следы на белой коже. Меня никогда не заводили отпечатки насилия, но сейчас хотелось взять ее руку и скользить языком по этим следам, перейти с них на нежную кожу на внутренней стороне локтя и…

Меня штырило, как после первой дозы. Снимало все предохранители, срывало ветром похоти наносную шелуху цивилизованного человека. Мне хотелось прямо сейчас впиться поцелуем в ее губы, сжать маленькие груди и, расстегнув штаны, трахнуть без лишних прелюдий.

Но зачем так торопиться и лишать себя львиной доли кайфа?

Я присел рядом с креслом и отвязал сначала одну ногу, а после и вторую. Задержал в ладонях маленькую изящную ступню и, не удержавшись, погладил кончиками пальцев багровые отметины.

Тихий вздох прошелся по телу, словно мягкая пуховка, еще больше увеличивая градус возбуждения, хотя я и так был практически на самой крайней точке кипения.

Мягко поглаживая кожу, двинулся выше и прикоснулся губами к нежным коленкам. Девочка просто божественно пахла. И еще она тихо вздыхала. Едва слышно, очень мягко… Но это срывало мою крышу надежнее, чем горловой минет. Она просто дышит, а я уже с ума схожу.

Руки смело скользили все выше и выше, но, достигнув середины бедра, я сразу перешел на чуть вздрогнувший от прикосновения живот и, вскинув голову, посмотрел на девушку. Она часто дышала, облизывала розовые губки и смотрела на меня ничего не соображающим взглядом. Как понимаю, малышку еще и возбуждающими накачали? Очень похоже. А по хер. Я купил – я имею. Ей же лучше, что ни черта не соображает и не сопротивляется, потому что нет никакой гарантии того, что я смог бы отступить, если бы она была против.

Вернее, как раз есть четкая уверенность, что не смог бы. Слишком… она во всем слишком. Красиво стонет, грациозно изгибается, сладко пахнет.

Мои ладони накрыли маленькие груди с тугими острыми сосками, и она выгнулась навстречу, чуть слышно простонав, а меня как плетью протянули вдоль позвоночника, кидая к ней ближе.

Руки на теле, губы на ее шее, а там, в горле, под нежной кожей, вибрация звука… и меня трясет, накрывает. Су-у-ука…

Она дышит… неглубоко и часто, а после кладет мне руки на плечи, словно в поисках опоры, и я одним движением подхватываю на руки, несу на огромную кровать, по которой буду валять всю ночь.

Положил на гладкое покрывало, а она вновь подняла ресницы и смотрит на меня бездонным карим взглядом, в котором отражается лишь дальний свет бра.

– Кто-о-о ты-ы-ы? – вновь на выдохе произносит она, и я закрываю ладонью ее глаза, чтобы не смотрела. Потому что слишком много оказалось. Потому что почему-то захотелось ласкать, а не просто поставить раком и трахать.

А сам жадно смотрю на этот округлый розовый рот, и член просто разрывает от потребности ощутить его на себе. Но сначала… сначала сам. Я жадно целую ее. Это не поцелуй-знакомство, это даже не поцелуй-приглашение к дальнейшим играм. Я не спрашиваю, я сразу беру, жадно впиваясь в нежные губы.

А она подается навстречу, неумело отвечая, и я веду руками все ниже, пока не обхватываю груди. И снова ниже… еще ниже… до складочек, которые уже давно влажные. О да, девочка совершенно бесстыже течет. Подхватываю ее под коленку, заставляя раскинуть ноги в стороны, и вновь накрываю мокрые лепестки, обводя вход в девственное тело, а после безошибочно находя горошинку клитора.

И в этот момент она вновь постанывает мне в губы, но поет уже не о боли, как раньше, а о наслаждении. Я слышу различие этих эмоций, чувствую каждой порой своего тела и схожу с ума окончательно.

Все. Нет сдержанности, нет контроля, есть только бесстыдные ласки и жадные поцелуи. Я оставил в покое ее рот, чтобы не мешать издавать столь сказочные звуки, и теперь дотрагивался до ее тела с фанатичным восторгом и диким желанием узнать, как же она кричит во время оргазма. А до него надо довести до того, как я ее трахну, потому что, какой бы обдолбанной она не была, девственница есть девственница, и да, ей будет больно. Член ныл так, что уже мне хотелось взвыть от неприятных ощущений, но нет… сначала она. Ее стоны, крики, нежные вздохи. Ее оргазм. Хочу ее оргазм.

Нырнул пальцами в жаркое тело, и внутренние мышцы так крепко их стиснули, что я вслух выругался матом, сдерживаясь из последних сил. Вынул пальцы, мягко, нежно обвел вокруг лона и скользнул чуть выше, находя клитор и чуть сжимая его. Девочку выгнуло на постели, и она тихо застонала. Бессвязные слова, шепот… Я совсем поехал.

– Я… Что со мной? – Затуманенные, ничего не понимающие глаза и длинный стон, когда я наклоняю голову и с силой втягиваю в рот розовый сосок. – О-о-о… Что вы…

Она шептала, запускала пальчики мне в волосы, то пытаясь отодрать от себя, то прижать ближе, изгибалась, разводила ноги в сторону, чтобы было удобнее ласкать, а в следующий момент крепко-крепко сжимала коленки и бессвязно требовала отпустить.

Реально? Сейчас? В тот момент, когда я от похоти даже имени своего не помню, и отпустить?

Сильная дрожь сотрясла тонкое тело, мышцы стиснули мои пальцы в лихорадочном сокращении, и она хрипло застонала. Длинно, томно, с беспорядочными вздохами, и все…

Я – все.

Качаясь, ходил по грани и подумал, что еще немного – и тупо кончу в штаны только от звуков ее наслаждения. Я, блять, ничего лучше в жизни не слышал.

Мне было по хер, что она голая, а я по-прежнему в рубашке и брюках, мне было по хер, что надо бы раздеться и сделать все как следует. Мне хотелось лишь рывком войти в это тело и вбивать ее в кровать, остервенело рыча и кусая нежную кожу.

Накрыл ее сверху, раздвигая ноги шире, быстро расстегнул ширинку, приспустил трусы и обхватил рукой уже давно мокрый от смазки член. Провел по нему ладонью и сжал у основания, чтобы остановить уже зарождающуюся в глубине тела дрожь наслаждения. Провел головкой по влажным горячим складкам и, хрипло рыкнув от кайфа, который подобно наркоте полетел по венам, чуть нажал, входя в тугое лоно. Едва-едва… Я хочу медленно. В первый раз, первое движение – медленно, чтобы прочувствовать каждую ее реакцию, чтобы ощутить, как она сжимается вокруг напряженного до боли члена. Впился поцелуем в губы и… ничего.

Она не ответила.

Обвел языком нижнюю и прикусил до боли, снова надавливая бедрами… и опять ничего. Отстранившись, я потряс девочку за плечи, а она лишь выдохнула и отвернулась.

Дышала глубоко и ровно. Здоровый, мать его, сон.

В тот, блять, момент, когда я с приспущенными штанами собираюсь ее трахнуть. Какого ляда?!

Я потряс ее за плечи, стараясь разбудить, но хрен. Видимо, действие наркоты так сказывается: получила оргазм, сняла напряжение и вырубилась.

Еще пять минут прошли в попытках реанимировать так хорошо начавшуюся ночь, но я не преуспел, а еще через десять сидел в том самом кресле, в котором нашел девчонку, когда пришел. Сидел с адским стояком в штанах и методично выпивал уже второй бокал вискаря.

Был, конечно, вариант плюнуть на все и таки поиметь малышку, но я понимал, что не стану так поступать. И вовсе не из-за соображений этики, а просто потому, что ебать неподвижно лежащее бревно нет никакого удовольствия.

Несколько секунд пристально смотрел на “блюдо”, которое уже распробовал, но еще и близко не наелся, а после пошел к кровати, на ходу стягивая с себя вещи.

Спать.

Утром поимею. Никуда она, в конце концов, не денется. Плохо то, что кроватей больше нет. Люблю спать один и не люблю тела рядом. Они как минимум дышат, как максимум – шевелятся.

Но, вопреки ожиданиям, не было привычного дискомфорта, а наоборот. Мне нравилось ее слушать. Кажется, это херово.

Глава 5

Проснулся как всегда рано.

Принял душ, посмотрел на девочку и понял, что трахать ее в этом притоне не хочу. Вчера разум застилала похоть, а сегодня уже ничего не смущает, и мне разом вспомнилась вся грязь, которую тут видел.

Чувство гадливости было почти физическим.

Повязал галстук и выглянул за дверь. В конце коридора стоял вчерашний лакей, и, поманив его пальцем, я распорядился:

– Принесите одежду для девушки.

На бледном лице невысокого парня отчетливо мелькнуло недоумение, и он спросил:

– А зачем?

– Заберу покупку, – саркастично ответил я.

Ресторан, блять. “Блюдо”. Не все доел, заверните с собой!

– Но… она остается в распоряжении клуба. Это условия договора.

Я вспомнил документ на экране, но, так как подписывать ничего не требовалось, читал невнимательно.

Так… Интересно, а что происходит с похищенными девственницами после ночи с покупателем, если даже на лотах ее могли грохнуть после групповушки?

– Вы закончили? – нейтрально спросил он. – Тогда я должен забрать товар на утилизацию.

Утилизацию?! А вот, похоже, и ответ на мой вопрос.

– Где управляющий? – сухо спросил я, поправляя манжеты рубашки и всеми силами удерживаясь от того, чтобы не выбить этому ублюдку все зубы и с наслаждением запихать их ему в глотку.

– Я не имею права… – попытался было возразить слуга, но замолк, поймав мой взгляд.

Я медленно усмехнулся, по-прежнему прессуя его морально и прекрасно зная, как он себя чувствует.

– Следуйте за мной.

Начальник всего этого бардака располагался этажом выше и, как ни странно, уже был в кабинете.

– О, покупатель бриллиантового лота, – усмехнулся лощеный мужик в дорогом костюме, явно сшитом на заказ. – Решили рассчитаться лично?

– Решил выкупить лот для личных целей, – сухо ответил я, сразу переходя к делу. – Сколько?

– Вот как, – он чуть заметно ухмыльнулся и развел руками. – Мы этого не практикуем.

– Значит, в частном порядке отныне начнете, – жестко произнес я.

– Нет, – не менее твердо ответил хозяин борделя. – Не обсуждается. Всего хорошего.

Я подался вперед и назвал сумму:

– Триста тысяч долларов…

– Нет.

– Четыреста.

– Нет, – спокойно ответил мужчина и скрестил руки на груди. – Но за миллион я готов подумать.

– Ночь стоила тридцать, – напомнил я цену уже уплаченную.

– Так то ночь, – насмешливо протянул этот урод. – А тут вы хотите забрать драгоценный камень в личное пользование.

– Полмиллиона – мое последнее слово. Иначе вы вообще ничего не получите, ведь за мертвецов денег не возьмешь.

Урод задумался, но все же медленно кивнул и махнул рукой.

– Ладно, забирайте. Человека с кейсом пришлите вот по этому адресу. Его встретят.

Мне толкнули через стол визитку с парой строк, я поймал ее, поднялся и вышел.

Быстро вернулся в комнату, где провел ночь, завернул обнаженную девушку в покрывало и подхватил на руки.

Все, теперь прочь отсюда.

Она не проснулась. Прижалась щекой к моей груди и тихонько вздохнула, отчего по телу вновь прошла сладкая дрожь.

А я впервые задумался о том, что я буду с ней делать.

С другой стороны… а почему нет? Люди имеют обыкновение заводить себе кого-то для комфортного существования. Кто кошку, кто собаку, а кто хомячка. А я бабу заведу, так тоже, говорят, делают. Она, по крайней мере, красиво стонет.

Спустился вниз, положил ее на заднее сидение и сел рядом, оставив голову девушки у себя на коленях.

О том, какими глазами на меня смотрел водитель, можно промолчать.

Глава 6

Ева Демина

Когда каждый день встаешь по будильнику в шесть утра, рано или поздно организм начинает ощущать приход этого времени без всяких дополнительных напоминаний. За десять или даже двадцать минут возникает состояние полудремы, и ты уже слышишь все, что происходит вокруг. Как бабушкин кот точит когти о старый диван, как гудят редкие машины за окном, как старенькое радио на кухне затянуло песню из восьмидесятых…

И ты лежишь, пытаешься ухватить остатки сна, поспать еще хоть чуть-чуть, но шесть утра неумолимы, рано или поздно зазвенит будильник.

А вот сегодня он не звенел… И даже полудрема была странной. Если обычно хотелось остаться в кровати подольше, то сегодня я вырывалась из нее мучительно медленно, словно пыталась выплыть из болота, которое уже сомкнулось сверху трясиной.

Вокруг не было привычных звуков. Ни кота, ни машин, ни радио. Пожалуй, я слышала соловьев, но восторгаться их пением мешали чувства, которые одно за другим накрывали рывками.

Я хотела пить, очень сильно, и голова болела. Сглотнув вязкую слюну, почувствовала жуткую резь в горле. Первая заспанная мысль – простудилась, а вместо второй пришли смутные воспоминания о том, что я кричала. Очень громко кричала.

Пытаюсь вспомнить что-то еще, но голова раскалывается все сильнее.

И все же успехи есть. Мне удается открыть глаза, оглядеть место, где нахожусь, и понять окончательно: я не дома у бабушки и даже не в съемной квартирке.

Я неизвестно где.

Попыталась вскочить с кровати, на которой спала, и тут же свалилась на пол – ноги подкосились, как подломленные. Ударившись коленями о паркетный пол, зашипела от боли. Все вокруг шло кругом, комната плыла, из-за чего меня начало подташнивать.

Что со мной? И где я?

Взгляд нашарил на ближайшем столике прозрачный полный графин. Я ринулась к нему, словно путник в пустыне, и хоть знала, что при больном горле нельзя пить холодную воду, впилась в горлышко посудины и жадно глотала, позабыв обо всем на свете. Руки тряслись от напряжения, не вся жидкость попадала в рот, проливаясь мимо, часть ее струями текла вниз, на грудь, живот, ноги…

Это дало мне второе осознание: я голая. Графин едва не выпал из рук, но я сумела поставить его обратно на стол.

Бегло осмотрев себя, прислушалась к ощущениям, пыталась вспомнить хоть что-то из вчерашнего дня и поняла, что, кроме немного саднящей промежности и красных следов на руках и запястьях, зацепиться мне не за что.

– Люди! – попыталась крикнуть я, но из горла вырывался лишь тихий то ли хрип, то ли сип.

Кажется, я сорвала голос и, пожалуй, только это сейчас помешало мне начать изо всех сил звать на помощь. Потому что мозг окончательно проснулся, чтобы все осознать.

Меня похитили, накачали чем-то и изнасиловали.

Я металась по незнакомой комнате, в которой оказалась. Богато обставленной, но сейчас мне было не до красоты интерьеров. Дверь заперта, стены прочные, за окнами минимум третий

этаж большого частного дома. Потому что, судя по пейзажу, вокруг огромная территория с газоном, каменным забором, а дальше только лес.

Никаких соседних особняков и людей в пределах видимости.

Сдернув с кровати, на которой проснулась, покрывало, завернулась в него наподобие римской тоги и зачем-то тщательно изучила белую простынь на следы крови.

Не нашла. Если бы не неприятные ощущения между ног, я бы почти успокоилась. Но вместо этого сознание подкинуло образ совершенно другой комнаты и огромной кровати, а еще мужчины, который меня к ней прижимал.

Сердце в груди на мгновение остановилось, но тут же забарабанило дальше в бешеном темпе.

Я пыталась вспомнить лицо насильника, который меня… меня… На глаза стали наворачиваться слезы, но помнила лишь смутный образ.

Чем же меня накачали, что я позволила сотворить с собой такое? Стонала под этим человеком, видела радугу, и даже его лицо было затуманено красиво переливающейся дымкой.

Я осела прямо на пол и закуталась поплотнее в ткань. Мне показалось, что в комнате вдруг резко похолодало, настолько, что тело пробрало ознобом и заколотило.

Попытки вспомнить вчерашний день проваливались фактически сразу. Помнила только медосмотр в больнице, несколько врачей, которых успела пройти: гинеколог, ЛОР, сдала какие-то анализы, стояла в очереди к окулисту, а дальше пустота… И редкие вспышки. Люди, образы, они что-то говорили, но я не могла вспомнить, что именно.

В этот момент с ужасом осознала, что похитить меня могли даже не вчера, а неделю назад, и все это время продержать в наркотическом угаре.

Я принялась судорожно осматривать свои вены на предмет уколов. Вдруг я уже героинозависимая, но еще не знаю об этом? Но синяков от игл не нашлось, да и вообще на теле, кроме следов от веревок, ничего ужасающего не обнаружилось. А в следующий миг я застыла и бросилась к двери колотить по ней руками и ногами, сипя и хрипя, чтобы меня выпустили немедленно.

Потому что я вспомнила о самом главном. Я не позвонила бабушке. Своей старенькой, любимой бабуле, которой всегда звонила. ВСЕГДА! Каждый день!

– Выпустите меня! – насколько позволял голос, просила я. – Мне нужен телефон!

Казалось, дом пуст и вымер, с обратной стороны не было слышно даже шагов. Из-за чего складывалась иллюзия, что меня не охраняют, но я не была столь наивна. Прекратив колотить в двери, я принялась еще раз, но уже более внимательно осматривать комнату. Догадка подтвердилась, когда в углу помещения блеснул объектив камеры. Без малейших угрызений совести я подставила стул и потянула ее на себя, вырывая из пазов с корнем, не жалея сил, разрывая провод.

– Кино закончилось, – прошипела, будучи уверенной, что сейчас кто-нибудь точно явится ее чинить, и уселась на кровать в ожидании.

Почти не ошиблась. Спустя минут десять в замке двери провернулся ключ, но в комнату вошел отнюдь не мастер.

Едва я увидела этого мужчину, то тут же неосознанно вжалась в изголовье, уже жалея, что сломала камеру, потому что это был никакой не мастер.

Это был он, мой насильник и похититель!

Движения резкие, почти хищные, пожалуй, так мог бы двигаться ирбис: не торопясь, размеренно, а в следующий миг – бросок и смерть. Мой взгляд невольно остановился на его пальцах, все еще сжимающих дверную ручку. Железная хватка, даже здесь. В его пальцах чувствовалась сила, способная при желании свернуть шею врагу без малейших сожалений.

– Сломать камеры – крайне неблагоразумный поступок. Ты могла бы быть более благодарной за собственное спасение, – произнес он и захлопнул за своей спиной дверь.

– Спасение?! – едва слышно выдохнула я, потому что громче просто не могла. – Вы меня изнасиловали!

Мужчину странно передернуло от моих слова, и в следующий миг он посмотрел на меня так, будто бы не прочь продолжить мое насилие здесь и сейчас. Он просто пожирал меня глазами. Я ощущала этот взгляд так, словно он змеей скользил по моему телу, и никакое покрывало не было ему преградой.

– Насиловал? Нет, я тебя даже пальцем не трогал. Хотя, – он задумчиво осмотрел свою руку, – вру, пальцем все же трогал…

Я вспыхнула от этого пошлого намека. Пальцем? Я не помнила ни черта, вот только ощущения в промежности говорили о том, что кое-что все же было. Вопрос, что именно.

– Отпустите меня, – взмолилась я, не желая ни в чем разбираться сейчас. – Я никому не скажу о том, что вы меня похитили. Буду молчать, только отпустите.

– Ты действительно идиотка или только притворяешься? – Он в несколько шагов миновал расстояние до кровати, останавливаясь в десятке сантиметров от нее и глядя в упор на меня. – О какой свободе может быть речь? Я заплатил кучу бабла за твою жизнь, и ты должна как минимум проникнуться ко мне за это благодарностью.

Пока что я прониклась к нему только ненавистью. Он выглядел относительно молодым. Высокий брюнет, лет тридцать-тридцать пять, но ранняя седина уже тронула волосы, лицо красивое, породистое и хищный профиль. В нем сразу чувствовалась власть, деньги и вседозволенность, которую они дарили. Такие любят, когда их боятся и пресмыкаются, мне же хотелось выцарапать ему глаза, но вместо этого я всхлипнула:

– Я не понимаю, о чем вы! О какой благодарности речь? – каждое слово отдалось болью в связках.

Отвечать он не спешил, но вместо этого спросил:

– Как тебя зовут?

Подонок! Можно подумать, он не знал.

– Я ничего вам не скажу, – просипела и скривилась от спазма. Горло разрывало не простой болью, и я не просто сорвала связки. Что-то более серьезное… – Меня будут искать. Бабушка, в академии…

– Так вот, дорогая, слушай внимательно. – Подонок перебил меня и сел на краешек кровати, придвинулся так близко, что схватил за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. – Тебе крупно повезло, что когда тебя обдолбанную хотели трахнуть во все дыры, а потом расчленить богатые отморозки, ты попалась мне. Вдвойне повезло, когда отрубилась и уснула в постели со мной. Трахать спящих амеб не в моих правилах, поэтому решил оставить тебя до утра. В третий раз тебе повезло, когда за тобой пришли забрать на “утилизацию”, а я все еще был не удовлетворен. Так что будь благодарна за спасение своей прелестной шкурки и цени, что из всех зол, с которыми ты столкнулась, наименьшее – это я. Если будешь послушной девочкой, я превращу твою жизнь в рай…

Он говорил все это, а взгляд блуждал по моему застывшему лицу, потому что я была не в силах так быстро осознать и переварить все, что он сказал. Мне повезло? Он серьезно?

Попасть в лапы богатого психа?

– Ну же, скажи, что-нибудь. – Он дернул меня за подбородок в попытке вытрясти ответ.

Да легко!

– Пошел на хер! – прошипела я, не стесняясь выражений, и вывернулась из хватки пальцев. Вскочила с другой стороны кровати и, все так же кутаясь в покрывало, продолжила: – Я скорее из окна выброшусь, чем позволю тебе до себя еще хоть пальцем дотронуться.

Уголок его рта дернулся то ли в усмешке, то ли в оскале. Было видно, что моя бравада его ни капли не тронула, скорее, разозлила. Он медленно поднялся, обошел кровать, я же отступала шаг за шагом, пока не уперлась в то самое окно, из которого собиралась выброситься.

– На хер, говоришь? – переспросил он, вжимая меня бедрами в подоконник. – Это ты у меня туда сходишь, и не один раз. И еще прыгать будешь на нем, как цирковая собачка…

Я боролась с желанием плюнуть ему в лицо, останавливало только осознание, что одно дело скинуться самой, а другое, когда тебя скинут. А этот тип может…

– А вам добровольных цирковых собачек уже не хватает? – не смогла оставить я без ответа. – Просто так никто не дает, похищать стали?

– В этом доме я решаю, кто мне дает, а кто нет. – Он рывком отнял от моей груди руки, которыми я подтягивала покрывало, заставляя его опасть на пол бесформенной тряпкой. Я дернулась, чтобы сбежать, но он крепко удержал за запястья, дыша мне в лицо и прижимаясь белой рубашкой к моей обнаженной груди. – И если бы не срочные дела, развернул бы тебя раком здесь и сейчас, открыл окно, чтобы ты кричала, не стесняясь, на всю округу, и натянул бы по самые яйца. Потому что могу, потому что хочу и обязательно сделаю.

– Урод!

– Меньшее из зол, – повторил он. – И у тебя время до вечера решить, от чего ты будешь кричать: от удовольствия или боли. В конце концов, никто не мешает мне накачать тебя наркотой вновь и сделать податливой текущей сучкой.

Я задергалась под этим психом, пытаясь высвободиться, но он и сам отпустил, тут же отходя на шаг и попутно бросая взгляд на наручные часы.

– До вечера, сладкоголосая сирена, – прозвучало, словно издевка над моей хрипотой. – У тебя есть над чем подумать!

Глава 7

Руслан Коршунов

Под кайфом она нравилась мне больше.

Послушная, нежная, заводится с пол-оборота.

Когда утром я оставил ее в гостевой спальне, то уже был свято уверен в том, что поступил правильно. Она меня возбуждает и, самое главное, она же и может удовлетворить. Только она. Только от ее голоса мурашки по загривку и железный стояк, настолько болезненный, что отказывает здравый смысл.

Оставлю как любовницу. Что-то вроде секс-куклы, которую я могу иметь сколько хочу и как хочу.

Я поставил камеры в комнате и не мог удержаться от того, чтобы не переключать компьютер на них в лихорадочном ожидании ее пробуждения. От воспоминаний о ночи у меня отключились мозги и оставалась только одна потребность: взять. Разложить на кровати и иметь несколько часов подряд, так долго, чтобы после была лишь безграничная сытость. Хотелось натрахаться на неделю вперед, наконец-то вернуть холодный разум, без голодной одержимости ее гибким телом.

Хорошая девочка. Хорошая кошечка.

Отличный домашний хомячок.

Я досадливо дернул уголком губ.

Хомячок оказался саблезубым и неблагодарным, с ходу цапнул хозяйскую руку, а не упал на спинку, раздвинув ножки.

Лишь Бог знал, чего мне стоило, зажав ее у окна, не расстегнуть штаны и не ворваться в такое доступное тело, сильно кусая за плечи и воя от бешеного желания.

Меня сводило с ума все.

Девушка хрипло шепчет, ругается, а меня штырит так, словно она ноги раздвигает и ласкает себя у меня на глазах.

Она прерывисто дышит, а я почти кончаю.

Отпустить? Ага, сейчас.

Но стоит признать то, что я неудачно начал разговор. Необходимо было спокойно зайти, предложить чаю и в непринужденной беседе рассказать, почему она теперь живет со мной. Женщины, в сущности, простейшие существа, повернутые на разговорах. Что им надо? Услышать какую-нибудь романтическую херню, прикупить тряпки, камни, сделать маникюр и слетать на островок. Ну, и много хорошего секса.

Притом последним я просто-таки жаждал ее обеспечить.

Но меня снова повело. Накрыло эмоциональной волной и разметало о берег все благие намерения.

Ладно, Коршунов… надо думать не только о развлечениях, но и о деле.

Я вернулся в свой кабинет и вызвал управляющего домом.

Немолодой подтянутый мужчина в прошлом служил в должности начальника охраны, но пару лет назад попросил о переводе на более спокойное место. Что, впрочем, не мешало мне проводить через него все распоряжения. Во многом я был консерватором.

– Доброе утро, Руслан Михайлович.

– Доброе утро, Николай, – сухо кивнул я в ответ и сразу перешел к делу: – Я выезжаю в офис, а для тебя у меня есть деликатное поручение. У нас гостья. И я хочу знать о ней все.

В глазах верного помощника мелькнуло удивление, но он послушно склонил голову.

– Что-то еще?

– Да. Девушка имеет право гулять по дому, но ей запрещено покидать пределы особняка и любая связь с внешним миром. Чтобы никакой возможности позвонить или сбежать.

Николай едва заметно кивнул и проговорил:

– Я вас понял. Будут дополнительные указания?

Отдав остальные распоряжения, не касающиеся новой зверушки, я отправился к машине. Уже в салоне идеальную симфонию Моцарта нарушила вибрация телефона. Взглянув на экран, я едва заметно скривился, но все же ответил:

– Здравствуй, Влад.

– Привет, Руслан, – раздался в трубке до отвращения довольный голос Соколовского. – Ну, как ночка прошла?

В глубине моей души большая черная зверюга по имени бешенство чуть приоткрыла глаза и потянулась.

Пацан раздражал и раньше, но сейчас в его речи появились развязные нотки, словно он решил, что теперь мы практически друзья.

– А с чего ты взял, что она как-то интересно для меня закончилась?

А точнее, почему у нас Влад настолько осведомленная падла, если по официальной версии все члены аукциона анонимны?

– Я тебя потом уже не видел. А девку выкупили для личного пользования, вот и сделал выводы.

– Понятно.

– Я же говорил, что тебе понравится, – хмыкнул в ответ невидимый собеседник. – Клуб умеет удивлять.

Угу. Ты тоже умеешь удивлять, Соколовский. Я, конечно, знал, что ты тот еще утырок, но не думал, что до такой степени. Не ты ли предлагал двадцать пять тысяч за извращения и смерть? Впрочем, вряд ли он признается.

– Да, местечко оказалось забавное.

Я поддержал разговор, так как прекрасно осознавал, что Влад звонит мне не только для того, чтобы поинтересоваться, как прошла ночь. Ему что-то надо…

И я оказался прав. Само собой.

– По поводу нашего вчерашнего пари, – наконец-то перешел к делу парень. – Помнишь, мы говорили про тачку и виллу?

– Да.

Притом до сих пор не понимаю такой потребности выебнуться напоказ в спортивном авто. Я покупал этого зверя цвета мокрый асфальт, так как дико любил скорость, и она удовлетворяла меня на все сто процентов. А этот?

– Я сейчас на недельку улетаю, а как вернусь, попрошу машину.

Заверив юного идиота с садистскими наклонностями в том, что все будет в лучшем виде, я наконец-то нажал на отбой.

Привычная рабочая атмосфера офиса затянула довольно быстро и выбила из головы все лишние мысли. Я погружался в свое море работы, задерживая дыхание на максимальный срок, и получал почти физический кайф от выполнения своих планов.

Я – так называемый “достигатор”. Фанат труда и, самое главное, результата.

Мне нужно, чтобы жизнь кипела, а чужие фирмы растворялись в моей, падая под натиском концерна одна за другой. Пожалуй, я понимал великих полководцев прошлого, которые шли на край земли за новыми победами, хотя, казалось бы, давно могли остановиться.

К середине рабочего дня на личную почту пришло письмо от Николая с вложением, в котором на нескольких страницах описывалась жизнь моего приобретения.

Первым ударом под дых оказалось ее имя.

Ева.

Ее звали Ева.

Я повторял это имя снова и снова, раскатывая звуки на языке и чувствуя, как по телу бегут мурашки, а волоски встают дыбом.

Она совершенна во всем звуковом диапазоне.

Быстро изучив остальное, я откинулся на спинку кресла и сцепил руки на животе.

– Ева-а-а… – не удержался и повторил вслух, задумчиво изучая фотографию на мониторе. – Девочка-певица, значит? Гнесинка? С таким-то колоссальным конкурсом на место и поступила на бюджет, хоть и на второй год. Талантливая малышка… и везучая. Если бы не твой голос, лежала бы сейчас в перелеске.

Я смотрел на нее и ощущал, как из-за спины подкрадывается то самое чувство, которое я гнал от себя весь день. Лютая жажда. Мне хотелось секса.

Закончить то, что начал, и оттрахать девчонку так, чтобы завтра встать не смогла, а меня наконец-то отпустило и перестало накрывать от имени и ассоциаций. Схватив пиджак, я поднялся и направился к двери. Хватит на сегодня работы… Уже сидя в автомобиле, по дороге к дому я быстро набрал номер Николая и с усмешкой спросил:

– И как себя чувствует наша дорогая гостья?

– Простите, ее пришлось запереть, – ответил тот, после чего раздался звук бьющегося стекла. – Блядь…

Связь прервалась, а я удивленно уставился на умолкнувший телефон. Что там за херня происходит?

Глава 8

Демина Ева

Если этот ублюдок думал, что я сдамся и поверю в его сказки про спасение моей жизни, то глубоко заблуждался. Негодяй всерьез считал, что, вернувшись вечером, раздвинет мне ноги и закончит начатое с моего полного согласия. Я читала это по его глазам, слышала стальную несгибаемую волю в низком, чуть вибрирующем голосе. И да, он меня пугал. До мурашек на шее, спешно бежавших по плечам и вызывавших дрожь ужаса во всем теле. Мне было ясно, что такой пойдет даже против воли, просто потому, что ему так захотелось.

Скотина.

Я металась по комнате в его отсутствие, силясь понять, что делать. Иногда, замирая, взволнованно смотрела то на дверь, то на окно, а в голове зрели планы побега. Один абсурднее другого. Я ведь не спортсменка, не скалолазка и тем более не воровка, чтобы уметь вскрывать замки.

Но мне очень нужно было оказаться на воле или хотя бы заполучить телефон. Бабушка, не дождавшись звонка, наверняка разволновалась, а у нее больное сердце. Господи, только бы с ней ничего не случилось! Как же сообщить, что со мной все в порядке? Как дать ей знать?..

От понимания собственного бессилия в глазах появились слезы и сердце забилось, словно сумасшедшее. В очередной раз подбежав к двери, я тронула ее гладкую поверхность и вдруг яростно забарабанила по дорогому полотну.

С той стороны раздались шаги, и я снова испугалась.

Отскочив, закуталась в простыню и, нервно облизывая пересохшие губы, готовилась броситься на посетителя с кулаками, если понадобится, выцарапывая ногтями путь на свободу.

– Слушаю вас. – Возникший на пороге здоровый мужик был коротко острижен, имел квадратное лицо с резкими чертами и крупным носом. Он невозмутимо стоял в дверях в безупречно белой рубашке и темных брюках и выжидающе на меня смотрел.

– Выпустите меня, – проговорила и тут же схватилась за горло, внутри которого, по ощущениям, кто-то разводил костер.

– Комната не заперта, – спокойно отозвался амбал. – Если вы голодны, то я с удовольствием провожу вас в столовую.

Я вскинула брови и нерешительно шагнула вперед, не прекращая сжимать кулаки. Может, у них такая игра? Обмануть, выманить, чтобы просто поиздеваться и посмотреть, как буду умолять отпустить, едва пойму подвох?

Но бугай отошел чуть в сторону, пропуская меня в коридор.

– Меня зовут Николай, – зачем-то представился он. – Вы можете обращаться ко мне по любым вопросам.

– Я хочу уйти, – шепнула, не веря ни единому слову, но чувствуя, как воспрянула в душе надежда. – И мне нужен телефон.

– Не получится, – покачал головой мужик, – но, как я уже говорил, если вы голодны…

– Да! – выпалила, вдруг подумав, что это мой шанс. – Я хочу есть.

Назвавшийся Николаем легко отступил влево, оставляя все пространство прохода открытым.

Вышла, осторожно ступая босыми ногами на темный паркет, ожидая чего угодно и, кажется, внутренне готовясь к смерти. Потому что когда дверь закрылась с тихим щелчком, я вскрикнула, сама себя напугав до чертиков.

Николай качнул головой, но промолчал, лишь взглядом указав вперед.

Я отошла от стены и, озираясь, сделала несколько шагов. Он двинулся следом: чуть позади, не стараясь поравняться или коснуться, но и не отставая. Меня знатно колотило от ужаса и нереальности происходящего, дрожь, казалось, распространилась даже на желудок, вызывая тошноту.

– Направо, – подсказал мужчина, когда мы оказались перед мощной двустворчатой дверью из красного дерева.

Я свернула, и почти сразу мы вышли к широкой лестнице, устланной тонким ковролином молочно-бежевого цвета. Спустившись с первой же ступени, почувствовала, как открывается второе дыхание. Вдруг появилась вера в чудо и в то, что сбежать все-таки удастся. Мне бы только оказаться где-нибудь на дороге, поймать машину и рвануть к ближайшему полицейскому участку… И тогда придет конец этому кошмару!

В момент, когда мы преодолели первый пролет, мои мысли нарушил женский голос:

– Николай Васильевич, вы здесь?

Навстречу поднималась девушка в черном платье и белом переднике. На голове у нее был завязан тугой пучок, а лицо выражало крайнюю степень озабоченности.

– Мне нужно… – Увидев меня, она остановилась, удивленно вскинула брови, но тут же опустила взгляд в пол и, развернувшись, поспешила назад.

– Нет! – Я вырвалась вперед, обежав перила и едва не роняя простынь. – Помогите, прошу! Пожалуйста!

Хотела схватить женщину за руку, но промахнулась – сильная рука Николая потянула назад. Голос сорвался на едва слышный пугающий и нечленораздельный звук, напоминающий шелест фантика. Дернувшись из рук охранника, замолотила локтями по его животу и груди – куда попаду. Он на миг опешил от сопротивления, но этого не хватило, чтобы дать мне освободиться.

– Успокойтесь! – Холодный голос Николая заставил горничную оглянуться, и мы снова встретились взглядами. В ее я не нашла ни сочувствия, ни понимания. – Иди, Марина. Накрой на стол!

Продолжая беззвучно шевелить губами и оседать на колени, не в силах поверить в равнодушие окружающих, я закрывала лицо руками и сотрясалась от рыданий без слез. Меня сковывало отчаяние, оглушало понимание того, что никто не придет на помощь. Уж не знаю, кем являлся хозяин дома, но слуг эта тварь вышколила хорошо…

– Идемте, – абсолютно спокойно проговорил Николай, легко поднимая меня на ноги и направляя дальше по лестнице.

Я шла, с трудом соображая, что делаю и зачем. И только одна мысль терзала уставший мозг – мне нужно позвонить единственному родному человеку на земле…

Столовая, куда меня привели, поражала размерами. Не сравнить с маленькой кухней в нашей с бабушкой квартире… Практически вся мебель была того же цвета, что и паркет, все монолитное, красивое и дорогое. Добровольно-принудительно усевшись за большой прямоугольный стол, покрытый безупречно белой кружевной скатертью, я вдруг почувствовала, как перекосило губы нехорошей злой улыбкой: когда-то видела в журнале огромный дом с подобным интерьером и мечтала оказаться в таком лично. Вот и сбылось…

В помещение вошла все та же Марина. Она, не поднимая глаз, ловко расставила передо мной тарелки и приборы с подноса. Запах еды ударил в нос, и меня снова повело. Не от голода, а от отвращения… Сижу в доме своего насильника, а мне прислуживает его горничная, или кем она здесь работает…

– Вас все устраивает? – напомнил о себе охранник, стоя позади и контролируя каждый мой вздох. – Или есть особые пожелания?

Есть. Хочу, чтобы вы все сдохли мучительной смертью!

Мотнув головой, рвано вздохнула и потянулась за вилкой. За спиной послышался шорох, Николай встал справа от стула и снова замер.

– Мне нужно позвонить, – не выдержав, предприняла еще одну попытку поговорить. – Прошу вас. Всего один звонок.

– Если больше ничего не желаете, то приятного аппетита, – словно и не услышав моей мольбы, ответил Николай.

Марина, бросив на меня косой взгляд, вышла, плотно прикрыв двери. Застонав, я закрыла лицо руками, думая лишь о том, что это просто не может быть правдой. Хотелось проснуться в собственной постели, понять, что кошмар кончился, умыться и обнять бабушку, шепнув, что все у нас будет хорошо.

– Проводить вас назад? – спросил Николай, продолжая стоять надо мной.

Положив руки по обе стороны от тарелки с жарким, я глубоко вздохнула, покачала головой и, быстро глянув на охранника, взяла в руки нож и вилку. Сжала крепко, сделала несколько глубоких вздохов и попросила:

– Подайте воды, пожалуйста.

Графин стоял неподалеку вместе со стаканами, и Николай исполнил мою просьбу в считанные секунды. За которые я успела переложить столовый нож на колени.

Мне налили воды. Горло отзывалось болью на каждый из трех сделанных глотков, а сердце стучало, как сумасшедшее. Не знаю, оно ли меня выдало, или охранник просто был очень внимательным.

– Верните нож на место, – проговорил Николай. – Осторожно и без резких движений.

Я облизнула губы, послушно положила руку на колени, сжала холодный металл и, вскочив, молча попятилась к двери. Меня трясло, как в лихорадке, в голове все шумело, а в глазах двоилось и плыло от напряжения.

– Дайте мне телефон, – хрипло выдавила из себя. – Ну же!

Николай качнул головой и молча последовал за мной.

– Стойте! – зашипела, выкидывая нож вперед и делая несколько рваных толкающих вперед движений, словно собиралась продырявить охранника. – Я не шучу! Не останусь здесь! Не подходите!

Он рванул вперед быстрее, чем я успела сморгнуть непрошеную слезу. Схватил за запястье, сжал, заставляя расцепить пальцы. И я дернулась, закрутилась ужом, зашипела. Угрожая, мотая головой, укусила эту сволочь за вторую руку, расцарапала кожу на шее и, половчее перехватив нож, умудрилась все-таки ткнуть им куда-то…

Он немного вошел в мягкую плоть, а охранник вскрикнул.

– Сука! – Я отлетела к стене, откинутая второй рукой. Попыталась рвануть к двери, но была поймана за простынь. Та слетела, скользнула на пол. Охранник что-то процедил сквозь зубы, подхватил белую ткань, залитую его кровью, и обмотал вокруг меня, кутая с руками.

Брыкаясь и беззвучно визжа, я мотала головой, дергала ногами и пыталась освободиться. Все оказалось напрасным. Меня закинули на плечо и понесли по уже знакомому маршруту.

– Я вынужден запереть вас, – с нотками недовольства проговорил Николай, остановившись у одной из дверей и распахивая ее настежь. – Прошу вас больше не совершать необдуманных поступков. – Немного поразмышляв, он добавил, поставив меня на ноги: – Хозяин дома не любит неподчинения. Подумайте об этом.

Дверь закрылась, щелкнул замок, и я сползла на пол, безучастно глядя на три капли крови перед собой. Нож попал в правое плечо Николая: я видела расползающееся алое пятно на его рубахе. Никогда раньше не думала, что смогу совершить подобное… Действуя, словно безумная, я чуть не убила человека. Хотя человека ли? Ведь он знал, что я нахожусь в доме насильно, но плевать на это хотел. За все заплачено, а я – всего лишь марионетка в этом театре ужасов.

Не знаю, сколько просидела так на полу, но вдруг поняла, что стало холодно. Даже зубы застучали. Лишь тогда я нашла в себе силы подняться и с удивлением осмотреться вокруг. Эта комната была злой насмешкой судьбы, не иначе: небольшая, в светлых тонах, уставленная музыкальными инструментами. Несколько видов гитар на подставках, саксофон, старый проигрыватель и рояль стали мне соседями. А у стены нашлись застекленные полки, на которых красовались виниловые пластинки…

Мой насильник – меломан и коллекционер, ну надо же! На цыпочках приблизившись к полкам, почитала часть названий и даже рот открыла от удивления – у нас еще и вкусы оказались схожими. Злой, совершенно ненормальный смех прорвался наружу, обращаясь в каркающие хрипящие звуки. Я закашлялась, чувствуя, как вновь подступают к глазам слезы. Горло болело все сильнее, озноб тоже нарастал, а голова кружилась.

Добравшись до невысокого крутящегося табурета, буквально упала на него, опираясь руками на крышку рояля, а потом, словно в бреду, открыла его, взглянула на клавиши и заиграла одну из прелюдий Рахманинова. Самозабвенно, глотая соленые слезы и думая только о том, что непременно выберусь отсюда, чтобы снова увидеть бабушку, и снова учиться, и снова верить, любить и мечтать.

А потом прелюдия закончилась, и накрыло осознание того, что, возможно, бежать уже поздно. Что, возможно, уже никто не ждет…

Тогда, поднявшись, я взяла табурет в руки и, разбежавшись, кинула в окно, разбивая стекло на сотни осколков, отшатываясь и прикрываясь рукой.

Когда Николай ворвался в музыкальную комнату, я стояла перед ним с совершенно, должно быть, безумным взглядом.

– Прошу вас, дайте мне телефон, – попросила, прикладывая острый осколок к вене левой руки. Это был ход ва-банк. Потому что его целью была моя защита, а значит, он не станет рисковать моей жизнью.

Я очень на это надеялась.

– Уберите осколок, – поморщился охранник.

– Телефон! – рявкнула и тут же закашлялась. Договаривать пришлось практически шепотом: – И выйдите вон.

Он задумался. Смотрел то мне в глаза, то на осколок, потом на разбитое окно и мои голые ступни…

– Дайте мне пять минут. – Уголок его губ дернулся. – У меня нет при себе телефона.

– Жду, – прошипела, кивая на дверь.

Было холодно и страшно, а душу раздирали сотни противоречий и сомнений. Но разве у меня был выбор?

Через минуту в коридоре послышался звук шагов, и я порывисто развернулась, но вместо Николая в дверях появился Он.

Если еще пять минут назад я считала себя напуганной, то ошибалась. Страшно стало именно сейчас, когда темные глаза этого мужчины скользили по мне и будто прожигали насквозь.

Прислонившись плечом к косяку, хозяин дома слегка склонил голову и, глядя на меня с кривой усмешкой на красивых губах, произнес:

– Добрый вечер, Ева.

– Не добрый, – отрывисто ответила я мерзавцу, о котором до сих пор не знала ничего, даже его имени. Замерев, я настороженно наблюдая за ним, чувствуя, что вот-вот упаду в обморок то ли от холода, то ли от страха.

Он выглядел дорого.

Аккуратная прическа, темно-синий пиджак, скроенный явно на заказ и отлично сидящий на широких плечах, шейный платок, завязанный замысловатым узлом.

Хозяин жизни, уверенный, что все будет у его ног, стоит только пожелать.

– Да, ты права, – спокойно согласился он, отлипая от стены и неторопливо направляясь ко мне. – Ева, ты очень беспокойная гостья.

Он по-особенному, с видимым удовольствием протянул мое имя, и почему-то в этот момент мне стало по-настоящему жутко.

– Не подходите!

Я сделала шаг назад, по-прежнему не отнимая стекло от руки. Он усмехнулся, но и не подумал послушаться, пересекая музыкальный зал с ленивой грацией хищника, подходящего к загнанной в угол и обреченной добыче.

– Иначе что? Вены порежешь? Это блеф, моя дорогая, и мы оба это прекрасно понимаем.

– С чего это? – холодно спросила я и плотнее прижала прозрачное лезвие к коже, и оно легко ее рассекло. Крупная капля покатилась вниз по руке, прочерчивая ладонь темно-красным росчерком.

– С того, что ты слишком хочешь жить для того, чтобы всадить в себя осколок, а все другие раны от меня не избавят. Ну порежешь ты вены, и что? Я перетяну их до приезда врача. Ты останешься при тех же исходных, но со шрамами.

Он говорил ровно и совершенно спокойно, и в его голосе ощущалась непоколебимая уверенность в своей правоте. И самое отвратительное в том, что я тоже понимала, что он прав. Я не хотела, не могла умереть.

У меня есть бабушка, и я не имею права поступить с ней таким образом.

Но не сдаваться же?!

Мужчина остановился в двух шагах от меня и с видимым удовольствием окинул взглядом мою закутанную в простыню фигуру, а после достал из кармана телефон и протянул мне:

– Ты просила, – а после указал взглядом на стекло в моей ладони. – Обмен. Не нужно портить себя самостоятельно, с этим отлично справлюсь я.

В моей душе вновь всколыхнулась темная волна ненависти, поднимаясь из глубин к поверхности и затопляя на своем пути все другие эмоции. На плаву оставалось только болезненно-острое осознание собственного бессилия. Оно тесно переплеталось с ненавистью к этому человеку и связывало меня по рукам и ногам, выбивая остатки гордости.

Мне нужен телефон.

Я осторожно, стараясь не касаться кожи этого морального урода, взяла смартфон и разжала пальцы другой руки, выпуская из них стекло.

– Надеюсь, ты будешь умной девочкой. – И вновь эта улыбочка на губах, от чего я внутренне сходила с ума от бешенства, но ничего не могла сделать. Быстро набрав номер бабушки, я посмотрела в темные глаза мужчины, а он добавил: – Ну, давай, Ева… скажи своей родственнице о том, что тебя едва не пустили по кругу богатые уроды. Скажи, что тебя похитил один из них и держит в своем доме, собираясь трахать всеми способами, на которые хватит его фантазии. Скажи, что ты в отчаянии и не можешь выбраться, а вести себя покорно считаешь ниже собственного достоинства. Скажи это все, и мы посмотрим, что же будет. У нее ведь наверняка слабое сердце в этом возрасте? Хочешь угробить единственного родного человека?

Длинные гудки в трубке звучали для меня реквиемом по надежде. Я так верила, пока он не заговорил…

– Алло? – раздался в трубке обеспокоенный голос бабушки, когда надежда превратилась в туманную вязкую дымку.

Я сглотнула горький болезненный ком в горле и, не прекращая поединка взглядов с мужчиной, проговорила:

– Привет, ба. Это Ева.

– Евочка, девочка моя, – затараторила бабушка, захлебываясь словами. От волнения ее голос то взлетал на верхние частоты, то опускался вниз. – Как ты? На звонки не отвечаешь, пропала, я так беспокоилась! Мне даже скорую вызывали – с сердцем плохо стало.

Я сильно, до металлического привкуса крови во рту прикусила губу и, буквально выталкивая из себя ложь, ответила:

– Со мной все хорошо. Просто телефон потеряла и вот от знакомого звоню.

– А-а-а… – в голосе бабушки явно слышалось облегчение. – А я-то уж подумала! В Москве столько опасностей, что ужас. Вчера вот по телевизору смотрела передачу, так рассказывали, что нашли тело девушки спустя полгода после исчезновения. А потом еще и ты не отвечала, я так переволновалась!

– Прости, пожалуйста. Больше постараюсь тебя так не пугать. – Каким усилием воли мне далась эта фраза – один Господь Бог знает. – Ладно, бабушка, побегу я. А то скоро учебный год начнется, заниматься нужно уже сейчас, да и чужой телефон занимать не хочется.

– А как же связываться? – расстроенно спросила бабуля, и у меня вновь защемило сердце. – И что у тебя с голосом?

– Простыла немного. Ерунда. А по поводу телефона – не переживай. Я скоро новый куплю и сразу тебе позвоню.

– Может, тебе денежек выслать? У меня есть… Совсем немного, правда, но есть. Да и у Татьяны Михайловны можно занять, она всегда поможет.

Ощутив, как в сердце воткнули нож и медленно провернули, я помотала головой, но опомнившись, озвучила:

– Не нужно, я сама справлюсь.

Справлюсь…

Получится ли? Я так мечтала о том, что смогу наконец-то помогать бабушке, а сейчас?.. В плену у извращенца, голос сорван и непонятно, что делать дальше.

Быстро попрощавшись с бабушкой, я отдала телефон владельцу.

Он покрутил его в руках, убрал в карман и с усмешкой проговорил:

– Умница, девочка. – Улыбка почти сразу пропала, стоило ему зацепиться взглядом за выбитое окно и рассыпанные на полу стекла. – Но ты и правда отвратительно себя вела. А за плохое поведение нужно наказывать, Ева-а-а…

Глядя на мужчину, понимала, он не шутит. Я и раньше не обольщалась, но не осознавала в полной мере, насколько все плохо, что весь этот ужас может произойти именно со мной. Вот только это еще не конец, а лишь начало.

Но сейчас, видя его лицо так близко, ощутила, как меня, будто могильным камнем, придавило понимание, что я во власти этого человека и он может сделать со мной что угодно.

Он протянул руку вперед и практически нежно сжал мое горло. Ослабил хватку и провел пальцами по коже, а после вновь стиснул и, рывком притянув к себе, прижал к груди, пробормотав:

– Говоришь, смелая девочка? И мне не сдашься? – Теплые губы скользнули по краю уха. – Ты глупая, Ева-а-а… очень глупая и недальновидная. И слабая. А я сильный, и что самое главное – я жесткий. Я получаю все, что я хочу, а хочу я тебя.

Ублюдок отстранился, обхватывая ладонью мой подбородок, и вскинул его вверх, не позволяя опустить голову или отвести взгляд. А в его зрачках закручивался шторм… Стихия, которая практически вплотную подошла ко мне и вот-вот обрушится, сметая все на своем пути. Разрушая все на своем пути.

По губам мужчины скользнула медленная, ленивая усмешка, он подался вперед, прижимаясь ртом к моей скуле и жарко выдыхая:

– Меня накрывает всякий раз, как ты открываешь ротик, и плевать, что ты делаешь: шепчешь нежности или проклятия… мне важен сам факт. Голос, вздохи, стоны… Стони для меня.

Он подхватил меня под ягодицы и шагнул к роялю, усаживая на крышку, под которой едва слышно зазвенели струны.

Ужас поднимался из глубин существа девятым валом и тянул за собой на дно. Я глотала его темную жижу и уже не могла думать, а меня вели только инстинкты. Бежать! Освободиться и спрятаться от этого человека в самом дальнем углу, забиться в конуру, подобно побитой собаке, и даже носа не показывать.

Я рванулась в сторону, отпихивая мужчину ногами, и даже спрыгнула с инструмента, но успела сделать лишь два шага, а потом он поймал меня за руку и рывком вернул обратно, с размаху впечатывая в свое тело и лихорадочно скользя руками по коже.

Черту мы оба перешагнули в тот момент, когда я, размахнувшись, дала ему пощечину. Ладонь обожгло от удара, а голова мужчины мотнулась в сторону. Он медленно провел языком по губам и удивленно выдохнул:

– Надо же… разбила! – А после дьявольски усмехнулся и, наклонившись, впился в мои губы подобием поцелуя.

Всегда думала, что поцелуй – это акт нежности и доверия, но здесь… это было заявление прав на собственность. Железная хватка руки на горле, укус, как клеймо… Он смешивал нашу кровь и не оставлял мне выбора.

Я боролась, билась в его руках, как птица в сетке, ранила руки-крылья об острые грани его дорогих запонок на рукавах не менее дорогой рубашки.

– Отпусти-и-и, – хрипло выдохнула я, когда он прервался, чтобы глотнуть воздуха.

– Шутишь? – криво усмехнулся, глядя на меня совершенно безумным взглядом, и толкнул обратно к роялю, на этот раз сразу прижимая к крышке, и, раздвинув мои ноги, встал между ними. Мои руки перехватил и сомкнул за спиной, не позволяя брыкаться.

– Девочка, я не могу думать, пока ты рядом. Я хочу тебя так, что яйца болят, а ты про отпусти! Впрочем, есть один просто охуенный вариант… Сейчас ты перестаешь страдать херней и расслабляешься, и наутро, быть может, я отпускаю тебя домой. Ну так как?

– Да пошел ты, – с ненавистью выплюнула я в ответ.

– Почему-то я так и думал. Но место, куда пойти, я выберу сам, хорошо?

И не спрашивая, он положил ладонь на мою ногу и начал медленно собирать в пальцах тонкую ткань простыни. Она ползла все выше и выше, обнажая белые бедра, и этот психопат дышал все чаще, не отводя взгляда от открывающегося зрелища.

Я рванулась еще раз, и железные пальцы крепче сжались на моих запястьях, а после он посмотрел мне в глаза и спокойно сказал:

– Ева, если ты и дальше будешь дергаться, то я окончательно слечу с катушек и трахну тебя на этом самом рояле. А если ты будешь послушной девочкой, то просто потрогаю.

Я с ненавистью посмотрела на него, но отвечать не стала. Думает, что я до такой степени дура? Угу, Евочка, раздвинь ножки, Евочка, открой ротик и в заключение, Евочка, попробуй себя в позе наездницы.

На лицо этого морального урода было страшно смотреть. Каменное, напряженное, на шее вздулись вены, а зубы стиснуты.

Он меня гладил… то невесомо скользил поверх ткани, то практически впечатывал пальцы в мои бедра и ягодицы, жадно стискивая их.

Я вертелась, сопротивлялась, выворачивалась, и его это лишь заводило. Прекрасно помня истину, что сопротивление лишь раззадоривает насильников, я все равно не могла себя заставить сидеть смирно. Это капитуляция. Белый флаг на воротах города и коленопреклоненная поза в знак того, что я сделаю все, что он скажет. А я ведь не хочу!!!

Наконец ему это надоело, и, стащив меня с инструмента, психопат развернул к себе спиной и нажал на лопатки, заставляя лечь на прохладную крышку. В следующую секунду с меня сдернули простыню, а после ягодиц коснулась теплая рука, поглаживая округлость и почти сразу, с размаху, больно в нее впечатываясь.

Я тихо вскрикнула от неожиданности, а этот гад лишь рассмеялся, прикусывая мочку моего уха.

– Интересно, правда? Боль, холод… и это лишь твой выбор. Все может быть совсем иначе, ведь в первую ночь ты кончала от моих пальцев и стонала в голос, а сейчас вот так.

– Сволочь, мерзавец, ублюдок последний! – попыталась вырваться на свободу, но снова была вжата в холодный рояль.

– Да-а-а, все точно так, – согласно промурлыкал этот псих, проводя языком по шее и вновь с силой опуская ладонь на попку. – Продолжай вести себя плохо, мне очень нравится тебя наказывать. И учти, Ева, меня это возбуждает… И кто знает, как долго я смогу себя контролировать? У тебя есть выбор: или покориться судьбе и выйти с наименьшими потерями, или доблестно биться до последнего, и я с огромным удовольствием выебу тебя прямо сейчас. Что выбираешь, сирена?

По щекам медленно покатились слезы, и я опустила голову, касаясь лбом поверхности рояля.

За что, Господи? За что-о-о?

Он коснулся губами моей шеи, оставляя невесомые поцелуи на каждом позвонке. Целовал, дул на влажную кожу, пока руки скользили по попке, словно заглаживая вину за сильные шлепки.

В этот момент он был полным и безоговорочным победителем. Я уже не могла бороться, я устала настолько, что казалось, будто из меня все кости вынули.

Мужчина осторожно развернул меня к себе лицом, провел пальцами по щекам, размазывая дорожки слез, и повелительно сказал:

– Посмотри на меня. – Дождавшись, пока я подчиняюсь, он усмехнулся и проговорил: – Меня зовут Руслан. Запомни.

И наклонился, касаясь губами поцелуем. Медленным, томным и умелым. Он нежно касался то верхней, то нижней губы, проникал в рот языком и гладил кончиками пальцев кожу на пояснице, посылая по телу волны мурашек. А я была безучастна, только слезы продолжали скользить вниз, напоминая о моем протесте.

Большая ладонь легла на живот, длинные пальцы обвели вокруг пупка и двинулись выше, сразу уверенно ложась на грудь. Обхватил, словно взвесил в руках и чуть сжал соски, которые собрались в твердые горошины и заныли. Я качнула головой, пытаясь отвернуться и понимая, что все это неправильно. Не должно быть так!

Мне хотелось плакать еще больше, но уже от отвращения к себе. Этот мужчина – беспринципный моральный урод, но стоило ему коснуться меня совсем иначе, без боли и угроз, как тело начало реагировать, а память подбрасывать картинки-вспышки воспоминаний о той ночи, в которых я металась по кровати, сходя с ума от наслаждения.

– Женское тело – это инструмент, – тихо выдохнул Руслан, зарываясь носом в мои волосы. – Если струны не натянуты, то мелодии не получится.

Я закрыла глаза и постаралась забыться, отстраниться от него хотя бы мысленно, но Руслан тихо рассмеялся, отчего у меня по телу прошла дрожь, и добавил:

– Вот что я сейчас делаю с тобой. Настраиваю… Подкручиваю колки, пробую разные аккорды и жду, когда же ты зазвучишь.

Он медленно, напоказ облизал свои пальцы, и я неудержимо покраснела от этого пошлого зрелища, а Руслан провел рукой вниз по моему телу, оставляя влажную дорожку на коже, пока не достиг судорожно сжатых бедер.

– Раздвинь.

Я сжала еще сильнее, с вызовом глядя на него, и потрясенно распахнула глаза, так как вторая рука мужчины провела между половинок ягодиц, а, остановившись на середине, он скривил губы в усмешке и сказал:

– А здесь мне тебя просить не придется. Так что снова выбор за тобой, Ева-а-а…

– Ненавижу-у-у… – в бессильной злости прошипела я и, зажмурившись, чуть расслабила ноги. Он сам развел их в стороны и вдруг опустился вниз, жадно глядя на открывшуюся картину. Тихо пискнув, я попыталась было свести колени обратно, но он не позволил, да еще и укусил за внутреннюю часть бедра.

– Сиди, девочка… Какая же ты красивая. Даже здесь.

Он подался вперед и коснулся губами судорожно вздрагивающего живота, проложил цепочку поцелуев до пупка, а после спустился ниже и медленно, с оттяжкой лизнул.

Я с отчаянием ловила себя на ощущении, что соски твердеют, а между ног, как раз там, где он ласкал, становилось тепло и влажно.

Это было неправильно! Преступно!

Я сгорала от адской смеси стыда, ненависти к этому человеку и просыпающегося вожделения. Он искусно касался, как музыкант гитары, беря все новые и новые баррэ, а я… звучала. Вздыхала, прикусывая губы, чтобы не стонать. Откинув голову назад, цеплялась руками за крышку рояля…

Внезапно он осторожно проник пальцами в самую сердцевину, из-за чего меня с громким стоном выгнуло. Глаза широко распахнулись, бессмысленно глядя в потолок, и я судорожно сжималась вокруг его пальцев, не в силах понять, чего сейчас больше: боли или резкого, неожиданного удовольствия, что плескалось в крови, облизывая кожу жаркими языками пламени.

– Вот я и пошел, детка, – хрипло проговорил Руслан, медленно вытаскивая пальцы и вновь врезаясь ими в тело, от чего я прерывисто выдохнула. – Как ты и распорядилась, моя Ева. Но направление выбрал сам… И, надо сказать, что мне оно нравится настолько, что я еще не раз туда схожу. И не только руками.

Влажные от соков пальцы скользнули чуть выше, безошибочно нащупывая горошинку клитора и невесомо обводя ее по кругу, а после с силой сжимая двумя пальцами.

Меня выгнуло, и с губ помимо воли сорвался длинный хриплый стон.

– Да-а-а, – как обезумевший, шептал мужчина, вновь входя в меня. – Стони, девочка… Стони для меня.

И я стонала. Извивалась на крышке рояля, задыхалась от незнакомых эмоций такой чудовищной силы, что в них тонул разум.

Никакого контроля, никаких проблесков мыслей, лишь предательское тело выгибается рядом с мужчиной, насаживаясь на его пальцы.

Я металась, вскрикивала и, казалось, не могла выдержать ни секунды этой пытки, мечтала, чтобы все прекратилось и продолжилось одновременно. Потому что это были самые сладкие муки в моей жизни.

И этот мужчина с голодными звериными глазами давал мне то, что я желала. Он уже давно не держал мои руки, Руслан сжимал грудь, играл сосками, а наклонившись, с силой втянул один в рот.

Я выгнулась дугой с длинным полустоном-полукриком, и именно это и стало той последней нагрузкой для моего горла, спровоцировавшей приступ острого, раздирающего горло кашля. Я согнулась в его руках, захлебываясь вздохами и не в силах остановиться. Когда приступ прошел, в теле не было ни следа от прежнего томления.

Кашель – беспощадный удар реальности, которая показала, что я изнемогаю в руках человека, который загубил все!!!

– Что с тобой?

В первый момент мне показалось, что этот урод был взволнован. Он так смотрел на меня, что я даже не нашла сил огрызнуться в ответ. Только что произошедшее в этой комнате терзало мою душу сильнее, чем едкий кашель душил легкие.

– Ты заболела? – Его рука коснулась моего лба, и меня захлестнула удушливая волна отвращения к себе. Потому что на какую-то долю секунды мне понравилась эта иллюзия заботы, его внимание и ощущения… У него была горячая ладонь, от прикосновения которой хотелось податься вперед. Идиотка! Больная на всю голову… Он хотел взять меня насильно, а я и рада раздвинуть ноги.

Итогом моих внутренних метаний стал истерический смех.

Порывисто оттолкнув Руслана, я сползла на пол и встала напротив. Обнаженная и напуганная. Меня лихорадило, даже зубы стали стучать. Говорить по-прежнему не хотелось, я только и могла, что качать головой и дрожать…

Он сам подхватил с пола простынь и закутал меня в нее, прижимая к себе и хмурясь так, словно никак не мог разгадать внезапно вспомнившуюся загадку.

Несколько секунд мы так и простояли. Он заставил смотреть в его глаза, а после вдруг чертыхнулся и, подхватив меня на руки, сообщил:

– Вызову врача. Доигралась, Ева…

Мне хотелось, просто дико хотелось крикнуть, куда он может катиться со своей заботой, но на это просто не было сил. Сердце все еще колотилось, словно сумасшедшее, в области груди болело от приступа кашля, а между ног саднило и горело… Предательское тело помнило каждое прикосновение моего мучителя и жаждало продолжения. И от этого было тошно. Я чувствовала себя грязной и испорченной, а он нес меня, переступая со ступени на ступень и думая о чем-то своем, кривя губы и раздувая ноздри. Наверное, злился, что нежданная болезнь испортила задуманную им игру…

Мы пришли в ту самую комнату, где все еще лежала выдранная мною камера. Руслан переложил меня на кровать, сел рядом, накрывая одеялом, и почти ласково сообщил:

– Попробуешь сбежать или что-то с собой сделать – найду и сам покалечу. А будешь хорошей девочкой – получишь право звонка “с нового телефона”. Представляю, как обрадуется бабушка.

– Ненавижу, – просипела я, чувствуя, как катится слеза по щеке.

– Ненавидеть я не запрещаю, – усмехнулся Руслан. – Так даже интереснее, моя сирена.

Глава 9

Руслан Коршунов

Сирена. Именно это слово подходило ей как никакое другое. Лукавая соблазнительница, сводившая моряков с ума своим пением. Вот только мне никакого пения не нужно было, я плыл только от одного ее голоса. Странного, хриплого.

Не прокуренного, как бывает у привокзальных шлюх, а тягучего, благородного, с тонким сексуальным томлением внутри.

Лишь когда Ева закашлялась, до меня дошло, что, вероятно, дело не в природной особенности ее голоса, а в охрипших связках и простуде. У девчонки был самый натуральный жар, и это одновременно пугало опасностью для ее жизни – кто знает, как долго и где она сидела голышом в клубе в ожидании начала аукциона. В то же время до разума быстро дошло, что если все волшебство ее голоса развеется с выздоровлением, будет очень обидно и за потерю такой уникальной женщины, и за потраченное бабло в целом.

Но все же секса с болеющей женщиной не хотелось, и из-за этого я себя чувствовал полным придурком. Еще пять минут назад я был готов фактически силком повалить ее на рояле, а теперь ломаю голову, какого врача вызвать, чтобы после ухода держал язык за зубами.

Она ведь явно попытается уболтать эскулапа помочь ей с побегом, будет рассказывать о том, что держу ее здесь силком. И ведь все это будет правдой, потому что я конченый эгоист, который не может просто так взять и отпустить свое сладкоголосое вложение.

Это только в фильмах богатые мужики благородно отступают, если им не дают. Херня, такие, как мы, не были бы богатыми, если бы сдавались так легко. Нужно обладать упорством тарана, чтобы достичь тех вершин, на которых жили мне подобные, научиться шагать по трупам и переступать через чужие жизни. Так с хера ли желание одной целки мне не дать должно быть принято во внимание с учетом всех остальных факторов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.